

МАРИЯ ФОМАЛЬГАУТ

Так поют сентябри

Мария Фомальгаут

Так поют сентябри

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32493505

ISBN 9785449074850

Аннотация

Мимо проплывают пары, скачут удалые тройки, проносятся четверки. Шестерки услужливо склоняются перед кем-то, отсюда не вижу – перед кем. Сажу за столиком, потягиваю кофе, на альбомном листке передо мной замирает город, еще серый, карандашный, еще сам плохо понимающий, что он – город. Мимо окна несется целая дюжина, вон добрый десяток пробежал. Кто это выдумал – добрый Десяток, сколько живу, ни одного доброго не видел, все они злющие, как с цепи сорвались...

Содержание

Бескрылые крылья	6
Вакансия сосульки	8
Приход света	11
Так кричат сентябри	13
Нештора для неокна	15
Солнце от солнца	17
В доме	21
Обезлепусный мир	23
Корень из минус трех часов	27
Я не выслеживаю	36
Русско-теновой	42
Что едят скрипичные ключи	46
Детонатор	49
1	49
2	50
3	52
4	57
5	60
6	69
7	72
8	75
9	77
Квант	78

Голос рая	83
Снился свет	98
Во Юэ	106
Персонаж не для кого	111
Организация	120
Тринадцатый	135
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Так поют сентябри

Мария Фомальгаут

Иллюстратор Мария Фомальгаут

© Мария Фомальгаут, 2018

© Мария Фомальгаут, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-7485-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бескрылые крылья

Жили-были крылья.

И были они бескрылые.

Ну, сами посудите, где вы видели крылья с крыльями?

То-то же.

Вот крылья и были бескрылые, и очень страдали от этого.

Пока однажды они не дали объявление —

Требуются крылья для крыльев.

Крылья очень волновались, ведь объявление было очень странным и неожиданным, где это видано, чтобы крылья искали крылья. И верно, прошла неделя, наступила другая — а на объявление никто не откликнулся.

Но в воскресенье дождливым вечером в дом крыльев постучали.

– Кто там? – спросили крылья.

– Крылья, – ответили за дверью.

Крылья очень обрадовались крыльям, впустили их в дом и поставили сушиться их зонтик. Теперь наконец-то у крыльев были крылья.

Но вторые крылья затосковали – ведь у них-то не было крыльев!

Первые крылья видели тоску вторых крыльев, поэтому снова повесили объявление:

Требуются крылья для крыльев.

И вскоре в двери дома постучали еще одни крылья...

И еще...

И еще...

...для крыльев...

...так появилась бесконечность.

Вакансия сосульки

А я сосулька.

Нет, ну, вот есть повара, слесари, модели, актрисы есть, ассенизаторы, а я – сосулька.

Видели, наверное, висят такие на карнизах.

Вот я сосулька.

Ну, должен же кто-то сосулькой работать.

Ну, не то, чтобы сильно нравится... но работать можно.

Да нормально платят. Ну, бывают зарплаты и больше, конечно... но ничего, меня устраивает.

И отпуск нормальный. В прошлом году вот, в Египте была...

...А?

Так это я на работе сосулька, а после работы я совсем даже не сосулька, и не растаю.

А?

Нет, не замужем... ну... как сказать... нц есть у меня Димка. Какой? Обыкновенный. Да не знаю я, кем работает...

А я сосулька.

Ну, есть летчики, космонавты, землекопы – а я сосулька.

Тоже дело.

Нет-нет, не бойтесь, я на вас не упаду, что вы, что вы. У меня всё расписано, когда я упасть должна. Не сегодня.

И не завтра. Так что стойте спокойно. А упаду я двадцать третьего марта. В полдень. Вот так красиво, ровно в полдень.

На кого?

Ну, это мой секрет.

На кого мне велели, на того и упаду.

Ну что значит, жалко, работа есть работа. Начальству виднее в конце-то концов. Мало ли, может, человек плохой. Да не может, а плохой, если на него упасть велели.

Все, кончилась моя смена, можно домой. А что, не век же висеть, вот и пересменка подоспела, теперь другая сосулька повисит. Не бойтесь, она тоже на вас не упадет.

А я к Димке пойду.

Мы с ним сегодня в кино.

А я сосулька.

Есть писатели, поэты, президенты – а я сосулька.

Да, сегодня я упаду.

В полдень.

Так что вы отойдите.

Нет, за меня не бойтесь, я снова вырасту, я же сосулька.

А?

А на кого я упаду, я вам не скажу.

Сама не знаю.

Да и спасти его вы не сможете.

Просто.

Потому что.

Где это видано, чтобы читатель повлиял на то, что в книжке.

Полдень.

Срываюсь с карни...

...ну, вот и я.

Уже не сосулька.

Иду в душ, укладываю волосы, вот я и готова.

Звоню Димке.

Не отвечает.

Снова набираю.

Длинные гудки.

Нет ответа.

Начинаю волноваться, может, случилось чего...

Приход света

Были те, кто застал второй приход света, потом воодушевленно рассказывали следующим поколениям – но им никто не верил. То есть, может и верили те, кто родились сразу после второго прихода света – но не второе, не третье и уж никак не десятое поколение. О втором приходе света рассказывали долгими вечерами, передавали из уст в уста – но уже не как правду, а сначала как красивую легенду, а потом как сказку для малышей.

Второй приход был намного короче первого – вернее сказать, он был настолько коротким, что вообще непонятно, был он или нет. То ли дело первый приход – когда свет появлялся каждый вечер – так говорят легенды. Но в первый приход уж совсем никто не верит, ни стар, ни млад, так давно это было и так неправда.

Нет, конечно, за алтарем по-прежнему ухаживали, чистили его крылышками, лапками, стряхивали пыль и налетевшие листья. Но что снова придет свет – уже никто не верил.

Было время, когда в народе появились адепты больших – они уверяли, что когда приходят большие и бескрылые, приходит свет, что большие как-то делают свет. Над адептами смеялись – правда что, кто такую ересь вообще придумал, вон сколько раз большие приходят, а свет так и не загорается.

Этого всего мы не знали – и про алтарь, и про адептов,

и про свет – потому что родились на следующее лето, когда зима замела все воспоминания о свете и алтаре, и большие перестали приходить в заброшенный дом.

Так кричат сентябри

Я родился в январе. Мои родители купили январь на распродаже, потому что надо было где-то жить. Конечно, это был не самый лучший дом, поэтому через пару лет мы продали январь и обзавелись роскошным августом, обставленным по последнему слову моды. В апреле я поехал к морю – апрель мне достался потрепанный, на распродаже, но это все было ничего, ведь у меня был свой собственный апрель. Там же у моря в июне я увидел свою будущую жену – июнь на ней был легкий, не по сезону, но это делало её еще более трогательной и беззащитной. Мы обвенчались в октябре – маленьком, неказистом, где всего-то был один священник, который объявил нас мужем и женой. Тем же вечером мы купили бутылку молодого марта, и распили его под сенью ноября, закусывая изысканным жареным июлем. В апреле мы переехали в май – ну да, опять же в апреле, кроме моего старенького апреля нам ездить было не на чем. Май оказался необычайно уютным, в три этажа, в мансарде мы устроили уютную спальню, а на втором этаже детскую для двух сыночек. Вокруг нашего мая раскинулся необъятный декабрь, насколько хватало глаз. Тогда же я устроился на свою первую настоящую работу – февралем. Я очень гордился этой работой, хотя мне говорили, что лучше, например... здесь месяцы заканчиваются. Поэтому я уже не скажу, какие профес-

сии лучше. И кем были наши сыновья, я тоже уже не скажу. Эх, не надо было нам есть июль и пить март, и посидеть можно было в чистом поле, а не под ноябрем, тогда бы у нас еще были месяцы. А так месяцев не оста...

Что? Да, я знаю, что еще есть сентябрь. Только его уже нет. Потому что когда мы переехали в май, нам сказали:

– Вы осторожнее, в декабре вокруг мая водятся сентябри.

– И... и что?

– Как бы они вас не сожрали.

Я не поверил:

– Я работаю февралем, как сентябри могут меня сожрать?

Мне ответили:

– А вы свои даты жизни не смотрели?

Я ненавижу себя за то, что посмотрел даты жизни, – январь такого-то, сентябрь такого-то, а какого – неизвестно, у нас же здесь про месяцы, а не про года.

По вечерам мы все сидим в гостиной нашего уютного мая, слушаем шорохи декабря за окнами, пьем чай и читаем сказки. И я всякий раз вздрагиваю, когда слышу снаружи неведомые звуки – так кричат сентябри. Я никогда не видел их живую, только пару раз находил их перья на капоте апреля. Сентябрь приходит по ночам, когда мы закрываем ставни – и я знаю, что сентябри ждут меня...

Нештора для неокна

– Не делайте этого.... Прошу вас... не делайте.

Говорю так.

И знаю – сделает.

Она ищет окно, чтобы из него выброситься.

Кто она?

Да штора.

Да-да, штора.

Ну не повезло этой шторе в жизни, не повезло. Вот видит она объявление:

На работу требуется штора.

Идет устраиваться на работу, а ей —

– Вы нам не подходите.

Вот так.

– Вы нам не подходите.

– А почему?

– Ну, вы сами посмотрите, какая из вас штора, вы же прозрачная.

И так везде.

Даже в ванную не взяли.

Вот так не повезло.

Вот штора и решила с горя выброситься в окно, только окно найдет подходящее.

Я говорю:

– Не делайте этого.

И знаю – она меня не слушает.

Уже и окно нашла. Непрозрачное. Бывает такое. Ну не повезло окну, что делать. все прозрачные, а оно – нет.

И тоже в жизни ему, окну, не повезло. Ну, еще бы. Везде требуется окно, график, оплата, все при всем... А как придет к ним окно, так только руками разводят —

– Вы куда? Вы же непрозрачное, зачем нам такое окно...

А тут штора.

Прозрачная.

Хочет в окно выброситься.

А тут окно.

Непрозрачное.

Вот так они и нашли друг друга.

Солнце от солнца

- Ну, знаете, в меня никто не верил... да что говорить, я само в себя не верило...
- Э-э-э... может, сама в себя?
- Нет, само в себе, все правильно.
- Может, сам в себя?
- Нет-нет, само в себя. Понимает, трудно в себя верить, когда вот так вот со всех сторон – ну куда вы лезете, ну это не ваше, ну...
- Позвольте спросить, а вы кто?
- Вы меня не узнали?
- Ой, простите... нет.
- Да я же солнце.
- Ой... хочется забыть, что мы живем в двадцать первом веке, воздать вам почести.
- Да что вы, что вы... не стоит.
- Но вы же сколько веков дарили людям свет...
- Ну, это для меня так же естественно, как для вас – дышать.
- Так вы говорили...
- Ну да, мне очень хотелось приносить пользу людям... понимаете, вот выхожу я на пляж, а там все люди жмурятся, сердятся, солнце в глаза лезет, ищут, куда от солнц спрятаться...

– Да, наверное, неприятно такое слышать...

– Ну, вот мне так хотелось им помочь... вот я и пошло наниматься...

– Кем?

– ...

– Да вы что?

– Вот-вот, мне тоже так сказали. Я спрашиваю, а что такого. Мне говорят – ну все зонтики от солнца непрозрачные. Я говорю – да и я тоже непрозрачное, где вы прозрачное солнце видели? Мне говорят – вам нельзя, вы светлое. Я отвечаю – ну и что, вон зонтик белый, вон зонтик бежевый, они не светлые, что ли?

– И что же?

– Догадайтесь с трех раз.

– Вам отказали?

– Да, к сожалению.

– И вы...

– Я не стало опускать руки... ну да, рук у меня и не было.

– Вы обратились в другую контору?

– Нет. Я стало думать, как мне изменить ситуацию. Вот вы скажите, когда солнце не светится?

– Ночью?

– Ну что вы, ночью солнце на другой стороне земли.

– Ну... во время затмения...

– ...светится, только его не видно. Сдаётся?

– Ну, пожалуй.

– А вот через много миллионов лет солнце взорвется и погаснет... будет тускло-тускло гореть, а потом перестанет.

– Ой, что вы меня пугаете...

– Ну а что поделать, так оно и будет. значит, мне надо было просто подождать несколько миллиардов лет.

– Но тогда же...

– ...да, тогда не будет солнца, не от чего будет закрывать людей. Я уже почти было отчаялось, но у меня, знаете, по жизни девиз – никогда не сдаваться. Вы слышали про временные петли?

– Ну... что-то слышал...

– Ну вот... найти в космосе временную петлю было делом сложноватым... но у меня получилось. И вот я вернулся сюда, чтобы закрывать солнце.

– Солнце от солнца?

– Именно.

– Но... уважаемое солнце... вы в курсе, что люди приходят на пляж, чтобы погреться на солнце?

– Погреться на мне? Но ведь пляж находится на земле...

– Ну... в смысле, в солнечных лучах.

– И при этом прячутся в тени?

– Ну да. И... наверное, им не понравится, что солнце зашло солнце. Вы спрашивали людей?

– Да я людей после этого и не видела... и земля куда-то подевалась.

– Людей не видели? Земля подевалась? Ну, конечно же!

Что же вы наделали... черт, постойте! А я тогда кто же?

В доме

А мы живем в солнце.

Нет, это не дом так называется.

Это мы в солнце живем.

Вот так.

Не верите? Скажете, оно горячее?

Уже не горячее. Уже остыло.

Ну не век же солнцу светить, отгорело свое, погасло.

Вот мы там туннели прорыли и живем.

Нет, не холодно. От погасшего солнца еще свет идет.

А мы в тени живем.

Да не в тени чего, а просто в тени.

Ну вот во вселенной темная такая... тень.

А?

Вы её темной материей называете?

А мы тенью.

Вот, просверлили мы там туннели...

...а?

Или вы это черной дырой называете?

Ой, ну, не знаем мы...

А мы в радуге живем.

Нет, мы не люди.

Живем в мелких капельках радуги.

А вы где живете?

А?

Да не смешите нас.

Так не бывает.

Выдумали тоже – в доме...

Обезлепусный мир

МЕСТ НЕТ

МЕСТ НЕТ

Это на табло Цилиндра.

Вот так.

МЕСТ НЕТ

Элис не верит, Элис не понимает, как так, мест нет, быть не может, мест нет, а Элис-то куда, Элис-то как...

А никуда.

А никак.

Сама виновата Элис, можно подумать, кто-то что-то обещал Элис, нечего было Элис брать билеты незнамо у кого, не застряла бы сейчас незнамо где, этого космопорта даже на картах нет...

И мест нет.

МЕСТ НЕТ.

Элис заходит в цилиндр, оглядывает ряды пустых кресел, презрительно хмыкает, усаживается возле прохода.

МЕСТ НЕТ.

МЕСТ НЕТ.

Вот заладил, думает Элис. Система сбилась, программа сбилась, творит, что хочет...

Обратный отсчет.

Тело Элис грозит раздавить само себя собственной тяже-

стью...

Элис прядь за прядью срезает длинные волосы, проводит по голове машинкой, недовольно смотрит на табло, ну что ты еще потребуешь, глупый Цилиндр, помешался на своей санитарии...

Цилиндр молчит.

Элис смотрит на часы на табло, часы показывают год, а больше ничего не показывают.

А до созвездия Лепуса еще пилить и пилить.

Элис включает блокнот, блокнот не включается, глупая, глупая Элис, не надо было ронять. Добирается до «ворона», это передатчик так называется, передает непонятно чего непонятно куда, разворачивает на нем листок бумаги по старинке, пишет.

Так полагается.

Бортовой журнал.

Арнеб приближается.

Но еще далеко, далеко.

А сколько – далеко, Элис не знает. Часы показывают год. И всё.

Элис разглядывает проржавленный механизм Цилиндра, ищет смазку, смазки нет, ничего нет, Элис плывет по коридору на камбуз, ищет сливочное масло, вот оно, смазывает ржавые детали, сжимает зубы...

Арнеб.

В созвездии Лепуса.

Элис волнуется. Должен уже появиться Арнеб, а Арнеба нет. Элис смотрит на свои часы, часы стоят ровно на пяти, часы молчат, часы умерли.

Элис читает.

Старается понять.

...крупная черная дыра в районе созвездия Лепуса...

...замедление времени вплоть до полной его остановки...

Элис ведет цилиндр, огибает созвездие Лепуса, ведет время. Время не проведешь, Элис, Элис, глупая Элис, зачем села сюда, зачем, зачем, сказали же тебе – мест нет...

Время умирает.

Элис сидит за «вороном», отчаянно пишет страницу за страницей, рисует множества, старается обуздать время...

Распахивается портал.

Элис пересаживается в новый мир, Цилиндр пересаживается в новый мир, созвездие Лепуса пересаживается в новый мир, где есть время.

Позади остается мертвый мир – опустошенный, обезвреженный, обезцилиндренный, обезлепусный, обезэлисный.

Теперь созвездие Лепуса на место Цилиндра встало.

А Элис на место созвездия.

А Цилиндр на место...

...ни на чье не на место, сам по себе Цилиндр.

А на месте Элис...

...а на месте Элис нет никого, пока еще нет...

МЕСТ НЕТ.

Вы поднимаетесь на борт, смотрите на табличку:

МЕСТ НЕТ.

Презрительно хмыкаете, оглядываете ряды пустых кресел...

Корень из минус трех часов

– Где вы были в половине первого?

Это у падчерицы спрашивают. Это я случайно узнал, что она падчерица. Я тут вообще только что появился, меня автор только что придумал.

Но про падчерицу я знаю.

И вот инспектор её спрашивает:

– Где вы были в половине первого?

– Я была в башне... читала... книгу... слушайте, честное слово, название не помню, честное слово...

– Ладно, ладно... Почтенный викарий, а где вы были в семь тридцать?

– Я был у себя в кабинете. Писал письмо...

Мне кажется, я ослышался. Уже хочу поправить инспектора, но не успеваю – он уже поворачивается к хозяйке:

– А где вы были в восемь утра?

– Ой, я еще спала... понимаете, сегодня же выходной...

– Так вы же по сюжету не работаете?

– Ну... тем более, святое дело поспать.

– А где вы были без четверти два?

Это ко мне обращаются. Смотрю на часы, которые показывают девять вечера.

– Я... без четверти два меня еще автор не придумал.

– Понятно... что же... будем продолжать следствие...

– А... можно вопрос?

Люди из гостиной расходятся, каждый по своим делам, на самом деле их больше, чем викарий, падчерица и хозяйка, тут человек десять в доме, только читатель все равно всех не запомнит, слабенько их автор продумал, поэтому – хозяйка, падчерица и почтенный викарий. А на викария вы не смотрите, что он почтенный, ему двадцать лет всего...

– А... можно вопрос?

Это я обращаюсь к следователю. Следователь у автора еще какой-то недопридуманный, что-то среднее между Эркюлем Пуаро и Шерлоком Холмсом, если так вообще бывает.

– Конечно, мой юный друг.

– Вы... спрашивали у них разное время...

– Да, мой юный друг.

– Но... почему?

– Мой юный друг, вы еще многого не знаете о нашем мире... давайте я посвящу вас в тайны этого дома...

– А что здесь произошло?

– Убийство, мой юный друг. Убийство.

– Кого... убили?

Следователь непонимающе смотрит на меня. Похоже, я сморозил что-то не то.

– И да, – спохватываюсь, – я не юный... автор задумал, что мне за шестьдесят...

А в доме убийство.

Кто его пустил, неизвестно, да и вообще, кто сейчас признается, что это он замешкался, недосмотрел, убийство пустил. Убийство, оно такое, в щелку проскользнет, когда двери закрываешь, кажется тебе, что идет кто-то сзади, поднимается по ступенькам в промозглой осенней сырости, придержишь дверь, – входите – а никого нет.

А потом бац – в доме убийство. Сидит, греется у камина, ждет своего часа, чтобы случиться.

Ну конечно, убийство же просто так не случается, повод какой-то нужен, вот и смотрит убийство, прислушивается к хозяевам дома, кто кого потихохоньку ненавидит, кто о каком наследстве мечтает, кто месть затаил, у кого богатая тетушка все никак на тот свет не отправится...

Убийство приглядывается, причувствуывается, прислушивается, – неужели ничего – а нет, нет, вот, хозяин дома устал разыгрывать роль влюбленного супруга...

И началось.

Нет, еще не убийство.

Убийство только ждет своего часа. Как же оно может случиться при всех, вон, сидят все в гостиной старшая дочь на скрипке играет, отец семейства трубку курит, мать семейства вяжет...

Убийство выжидает.

Ждет.

Когда все уйдут, когда в комнате никого не останется. Убийство, не может же оно на глазах у всех случиться...

– ...что говорите? Кому-то яд можно подсыпать? Да где его взять, яд, нету в доме яда, то-то же.

Так что убийство ждет.

Вот отец с матерью почивать пошли.

Вот у старшей дочери мигрень разыгралась.

Вот викарий поднялся по лестнице в башню.

Падчерица вышла...

Вот и не осталось никого, – комната пуста.

Убийство вступает в свои права, вот теперь-то оно случится, вот теперь-то оно произойдет...

Вот теперь...

Теперь...

Теперь?

А как же оно происходить-то будет, убийство-то, если нет никого, а?

Кто же убивать будет?

Кого?

Глупое, глупое убийство, что оно натворило, вот так и не произойдет...

– Где вы были в одиннадцать вечера?

Это я у падчерицы спрашиваю.

– На кухне... посуду мыла...

Настораживаюсь, что-то не сходится, что-то, что-то...

А.

Ну да.

– А прислуга в доме зачем?

– А Агнессы в этот вечер не было, она к матери на именины пошла...

Агнесса, Агнесса... припоминаю, была ли в доме какая-то Агнесса, сейчас уже и не вспомню. Были бы в начале книги расписаны действующие лица, было бы проще...

– А где вы были без четверти девять?

– Я ворошила угли в камине.

– Гхм... и откуда вы это так хорошо помните?

– Так над камином часы висели, на них без четверти девять было.

– Да будет вам известно, эти часы отстают на полчаса.

И где вы были... за полчаса до этого?

– М-м-м... а вот, цветы в саду поливала.

Думаю, надо бы проверить, есть ли в саду какие-то цветы.

– А что вы делали в тридцать два?

Падчерица вздрагивает:

– Что вы, мне восемнадцать всего.

Я про время.

– А-а-а, про время... Выходила в булочную.

– А в сорок восемь – сто семьдесят вы что делали?

– Ой... кажется, спала в это время.

– А в двести – триста восемнадцать?

– А в это время булочник пришел...

– Стойте-стойте, вы же сами сказали, что в булочную ходили, так зачем еще булочник приходил?

– Так он к мачехе приходил. Они пожениться хотят, вот он и приходит...

– Ваша мачеха... вдовствующая графиня... и булочник?

– А что, булочник, не человек, что ли? Он знает, какой человек душевный, второго такого поискать...

– А в минус пятнадцать вы что делали?

– Падчерица вздрагивает:

Окститесь, какие минус пятнадцать, только октябрь сейчас...

– Да нет. Я про время.

– А-а-а... слушайте, не помню... а нет... кофе варила.

– Ну, хорошо... а в минус корень из трех что вы делали?

– М-м-м-м...

– ...не помните?

– Нет, что вы...

– Думаете, что соврать?

– Да нет же...

– Тогда...?

– Ах так? Правду хотите знать? Ну, вот вам, вот вам – я целовалась на лестнице с викарием! И он подтвердит!

– Вот как? – киваю следовательно, – викария пригласите, будьте добры!

Входит викарий, переглядывается с падчерицей, неспроста это, неспроста...

– Почтенный викарий... где вы были в минус корень из трех?

– В ми... силы небесные, вы меня с этими временами вообще с ума сведете... сказанули тоже... сейчас, сейчас вспомню... а, ну конечно же... писал письмо ректору...

– Вы лжете.

– Э-э-э... я газету читал.

– Лжете.

– Я... мне сестра позвонила...

– Лжете. Телефон еще не изобрели.

Падчерица вздрагивает:

– Да скажи им...

– Ах так... ну хорошо... я с Элизабет целовался, вот что...
жениться мы хотим...

Хозяйка дома вздрагивает, настороженно смотрит на викария, да достоин ли викарий её падчерицы, а то с виду, конечно, благочинный молодой человек, да кто ж его знает... Я отчаянно припоминаю, а можно ли викарию жениться, а то может, у них обет безбрачия, да и вообще можно ли в двадцать лет дослужиться до викария. Да мало ли, если в этой реальности есть время минус пятнадцать и сорок три сорок два, то и викарий в двадцать лет жениться может...

А.

Вот оно что.

– Вы лжете.

Это я говорю падчерице и викарию:

– Вы лжете.

– Но...

– Лжете.

– Почему?

– Очень просто... я спросил про минус корень из трех...

– Ну да.

– ...а в вашей реальности нет такого времени! У вас используют корни только четных чисел.

Падчерица и викарий вздрагивают.

Повторяю:

– Четных чисел. Так что вы лжете.

– Мой юный друг...

Уже даже не поправляю, что никакой я не юный.

– ...ловко вы раскрыли это дело.

Спохватываюсь:

– Не было никакого дела... они же... убийство так и не случилось.

– Верно, мой юный друг. Убийство дождалось, пока никого не будет... и некому было убивать.

– Но падчерица и викарий...

– Да. Падчерица и викарий.

– Они не встретились.

– Не встретились.

– Потому что такого времени нет.

– Такого времени нет.

– А это значит...

– ...что его нужно сделать.

– Что, простите?

– Его нужно сделать.

– Но... зачем?

– Чтобы они встретились.

Понимаю.

Начинаю думать, как сделать минус корень из трех часов.

Я не выслеживаю

Тут есть ожившие мертвецы.

Тут, в лесу.

Ух, страшные.

Людей едят.

Но вы не бойтесь, не бойтесь. Тут есть и те, кто сдерживают всякую чертовщину, и другие есть, которые возьмут вас за руку и домой отведут из темного леса, и все хорошо станет.

Я не выслеживаю.

Нет, я не выслеживаю.

Нет-нет, не бойтесь, я никого не выслеживаю.

Саалиндж.

Я не выслеживаю.

Что?

При чем здесь это?

Так это имя Саалиндж так переводится – я не выслеживаю.

Кого не выслеживаю?

Никого.

Кто не выслеживает?

Саалиндж не выслеживает.

Нет-нет, вы не думайте, она не смотрит за Амади, не сле-

дит, как он ловит рыбу тонким копьём.

Амади значит – мертворожденный.

Саалиндж не понимает, что значит – мертворожденный, как это – мертворожденный, как же он ходит, как говорит, как же рыбу ловит тонким копьём.

А вот – мертворожденный.

Ты осторожнее, здесь мертвецы ходят.

Это Бамидел говорит. Заботливый Бамидел, вот он и говорит:

– Ты осторожнее, здесь мертвецы ходят.

Бамидел. Имя такое. Значит – следуй за мной домой.

Саалиндж идет домой. Дома отец ждет, Бабаджайл. Хорошее имя, значит – отец снова жив. Саалиндж не понимает, как это – снова жив, это что же, раньше мертвый был, а тут снова жив. Саалиндж у матери спрашивала, та отмахивалась только.

Снова жив.

Страшно Саалиндж.

– Ты осторожнее, тут мертвецы ходят.

Это уже не Бамидел.

Это Годлумтакати.

Имя такое.

Значит – сдерживающий волшебство.

Саалиндж не понимает, как это – сдерживающий волшебство, а почему волшебство надо сдерживать. Годлумтакати смеется пухлыми губами, щурит темное лицо, тут у всех тем-

ные лица, – а вот так, чтоб сильно не чудесатили...

Тут есть ожившие мертвецы.

Тут, в лесу.

Ух, страшные.

Людей едят.

Но вы не бойтесь, не бойтесь. Тут есть и те, кто сдерживают всякую чертовщину, и другие есть, которые возьмут вас за руку и домой отведут из темного леса, и все хорошо станет.

Злой Годлумтакати, не любит он Амади. Вот так придет Амади к круглой хижине, принесет корзину рыбы и цветов принесет и спрашивает:

– Дома ли Саалиндж?

А Годлумтакай гневается:

– Шел бы ты, проходимец, крокодилово отродье...

Вот так.

Я не выслеживаю.

Саалиндж шепчет про себя – я не выслеживаю. Нет-нет, что вы, что вы, Саалиндж совсем-совсем не выслеживает, смотрит, как крадется в зарослях тростника Амади.

Так Годлумтакати велел.

И Бамидел так велел.

Осторожнее, велел Бамидел, мертвецы тут ходят, опасно.

– Саалиндж!

Это отец зовет, Бабаджайл, имя такое, значит – отец снова жив.

Саалиндж смотрит на отца, холодеет.

– Домой ступай, – отец говорит, – домой...

Саалиндж вонзает кинжал, еще, еще.

Отец с хрипом падает.

Я не выслеживаю.

Не выслеживаю.

Светятся огоньки хижин за рощицей.

Совсем рядом.

Саалиндж бесшумно ступает по зарослям, ни веточка не дрогнет под ногами...

(Я не выслеживаю)

Амади поднимает полную корзину с рыбами, идет к хижинам. Хижины круглые, а в середине дыра, чтобы дым от костра выходил...

– Саалиндж!

Это Амади.

Вот он, с корзиной рыбы.

– Ты смотри, какого я тебе поймал...

Саалиндж делает вид, что смотрит...

...вонзает кинжал...

...вода реки становится алой, а в темноте не видно, что алая...

Тут есть ожившие мертвецы.

Тут, в лесу.

Ух, страшные.

Людей едят.

Но вы не бойтесь, не бойтесь. Тут есть и те, кто сдерживают всякую чертовщину, и другие есть, которые возьмут вас за руку и домой отведут из темного леса, и все хорошо станет.

Саалиндж идет к хижинам.

Там Годлумтакати ждет, сидит у костра.

И Бамидел выходит, берет Саалиндж за руку, говорит – следуй за мной домой.

Саалиндж входит в хижину.

Показывает окровавленный кинжал.

Годлумтакати одобрительно кивает, – молодец. И сажает подле себя Саалиндж, и вонзает зубы ей в шею, зубы у Годлумтакати белые, острые, крепкие...

Тут есть ожившие мертвецы.

Тут, в лесу.

Ух, страшные.

Людей едят.

Но вы не бойтесь, не бойтесь. Тут есть и те, кто сдерживают всякую чертовщину, и другие есть, которые возьмут вас за руку и домой отведут из темного леса, и все хорошо станет.

– Ну, знаете... вот вы меня прямо огорошили вопросом своим, как мы имена подбираем... С именем и ошибиться легко... Вот назовем человека Годлумтакати – сдерживающий колдовство – а он умрет, а потом из могилы восстанет, людей жрать будет... А бывает назовешь – Амади, восставший мертвец – а он отродясь никаким мертвецом не был, вообще парень молодец, девка какая-то заблудилась в лесу, так он не побоялся, ночью её искать пошел, выискал в джунглях, за руку взял, говорит – иди за мной домой...

Так что всякое бывает...

Русско-тенево́й

– Это еще что?

Это я говорю.

Сегодня.

Смотрю на непонятные закорючки на листе, н-да-а-а, этого остолопа учить только портить, всё равно не понимает ни хрена...

– Словарь составляю...

– Какой еще словарь?

Ну, конечно же, если учитель оставил двойную. перспективу опробовать, что надо делать? – пра-авильно, словарь составлять, что же еще, пошла она, перспектива эта, далеко и надолго...

– Какой еще словарь?

– Русско...

Мне кажется, я ослышался. Да не кажется. Ослышался.

– Какой?

– Русско...

Точно, с катушек парень съехал.

– А с перспективой работать на хрен надо?

Смотрит на меня, бескровное лицо, глаза стеклянные.

– Но вы же... сами велели...

Смотрю на него, точно чокнулся парень, ладно, чокнулся и чокнулся, мне-то что...

– Бить буду.

Это я говорил.

Вчера.

– Бить буду.

Смотрит на меня, бескровное лицо, глаза стеклянные.

Нда-а, такого учить, только портить, всё равно не понимает ни хрена...

– Вы что с теньями делаете? Вы что с теньями делаете, позвольте узнать?

– А... а что?

– А то... вы на свои тени посмотрите, да не на свои, а вон, что вы намалевали тут... язык тени не выражен, и вообще...

– Язык тени?

– Ну да... Ну чего скисли, чего скисли, думали, пришли сюда – и бац, Мону Лизу за полчаса накалякали? Ничего, ничего, я тоже такой был...

– Бить буду.

Этого я не говорю.

Сейчас.

Прохожу по коридору мимо бесконечных рядов картин, прислушиваюсь к шепоткам, шорохам, кажется, что что-то шевелится на полотнах, следит, перешептывается...

Что?

– Бить буду.

Это я скажу.

Завтра.

Когда позвоню ему и скажу:

– Бить буду.

А потому.

Нечего на уроки опаздывать.

Нечего.

– Вы где ходите, позвольте узнать, вы где ходите, а? вас сколько ждать можно?

– Да вы... да вы даже представить себе не можете, что они говорят!

– Кто говорит? Что говорят?

– Они мне сказали... сказали...

Тишина. Телефон упадет. Его телефон. Там. На другом конце про... то есть, нет никакого провода...

Что-то екает в сердце, я поспешу через вереницу коридоров мимо бесконечных рядов картин, где этот придурочный живет, вроде как здесь... точно... здесь...

Тук-тук-тук.

Постучу в дверь.

Не ответит.

Снова – тук-тук-тук.

Нет ответа.

Толкаю дверь.

Войду.

Вздрагну.

Крови доводилось видеть немало, но это что-то новенькое, да еще и здесь, в школе...

Шепотки, шорохи по стенам.

На полу заляпанная кровью тетрадь.

Словарь.

Русско...

(воспоминание оборвано)

Что едят скрипичные ключи

– Вечер добрый.

Смотрю на него. Проситель как проситель, ничего особенного, сколько таких было, и есть, и будет. Хочу возразить, что сейчас еще день – спохватываюсь, что у него на пороге и правда, вечер.

Думаю, что ответить, Добрый вечер или Добрый день, наконец, киваю:

– Добрый.

– Э... мне бы денег...

Вздрагиваю. Это новенькое что-то. Обычно начинают осторожно, не интересуют ли вас бивни кистеперого мамонта, крылья конопатого носорога, сокровища индейцев Западной Сибири... А тут вот так, сразу:

– Мне бы денег.

– Гхм... и позвольте поинтересоваться, на что же?

Он не отвечает, он протягивает мне пожелтевшую от времени книгу. Презрительно фыркаю:

– Большое спасибо, человечьи штучки не интересуют.

Он не отступает, он показывает мне закорючки на страницах:

– А это вы... видели?

– Плюс икс, корень из трех... Знаете, я тоже умею читать. Видел, и не раз.

– Да нет... вы изображение икса видели... а сам икс?

Хочу ответить – видел, тут же спохватываюсь:

– Э-э-э... не доводилось.

– Ну вот, видите... интересует?

Меня передергивает. Не верю себе, ослышался, наверное...

– Вы что... прямо сейчас достанете из кармана икс?

– Ну-у... нет. Но понимаете... вот люди в книжках всякое рисовали... вот самих себя рисовали... вот зверей рисовали, потом мы кости этих зверей находим... были, значит, звери... вот дома рисовали... мы потом руины этих домов находим... а вот знаки рисовали... А вы эти знаки живьем видели?

– Вы думаете...

– Они где-то есть.

– И где же?

– А вы сами подумайте, сколько человеческих городов мы осмотрели?

– Ой... ученые новые и новые города открывают...

– Одиннадцать городов. А ведь их на самом деле миллионы...

– Вы думаете?

– Уверен.

– Так вы хотите...

– Он называет сумму. Меня передергивает, не ожидал, не ожидал...

– А половина вас устроит?

– С половиной мы ничего не найдем, штуки-то эти редкие...

– Штуки... вот что... – вытаскиваю потрепанную тетрадь, показываю гостю, – а вот это можете найти?

– Скрипичный ключ?

– Да... будьте так добры... постойте-постойте... я вам клетку дам... как вы думаете, каких размеров клетку надо?

– Да побольше бы... как для хищной птицы...

Думаю, что в замке надо будет сделать закрытый вольер для скрипичного ключа.

Узнать бы еще, что он ест – а то как бы скрипичный ключ не оказался хищником...

Детонатор

1

Наконец, он оборачивается ко мне, нехотя кивает:

Слушаю вас.

А я говорю...

...нет, не с этого надо начинать.

Не с этого.

2

– Вашего дома быть не должно.

Смотрю на гостя. Нет, это не гость, это служащий какой-то.

Не понимаю.

Капли дождя на дверном колокольчике.

Осенние сумерки.

И —

– Вашего дома быть не должно.

Пытаюсь понять. Ваш дом подлежит сносу... нет, не то. Ваш дом рухнул... нет, не то. Вот же он, стоит, как ни в чем не бывало...

– Простите?

– Ваш дом рухнул, – кивает человек на пороге, – мне очень жаль.

Затравленно оглядываю свое поместье, огромный зал, лабиринты лестниц, анфилад, причудливую игру света и тени...

– Но... но вы ошиблись. Мой замок стоит.

– Он рухнул. Рухнул. Это... это Элизия.

Он сует мне под нос пожелтевшие от времени бумаги, да же не пытаюсь понять, отчаянно соображаю, кто такая Элизия, Элизия...

– Это её замок, понимаете? И он разрушен.

– Но...

– ...вам придется покинуть замок.

– Чего ради?

– Он же разрушен.

– Но... слушайте... Я с вами судиться буду...

– Судитесь.

– И буду судиться. Вон... к юристу обращусь...

Обращайтесь. Очень сочувствую... ничем не могу помочь.

Гость улетает в сумерки осени. Незванный гость – стопка документов, кое-как скрепленная нитками, летит, взмахивает страницами. Спыхатываюсь, что даже не предложил гостю зонтик, хороший же я хозяин, ничего не скажешь.

Оглядываю дом, массивное крыльцо с каменными львами, английский парк, подернутый осенью. Хочу сказать дому, что это просто пачка бумаги, нечего её бояться – тут же спыхатываюсь, что есть подпись, есть печать, дело серьезное, серьезнее некуда...

Заканчиваю:

– ...ну, вот... дом хотят снести... вернее, говорят, что уже снесли...

Умоляюще смотрю на детектива, он так же умоляюще смотрит на меня, зажигает сигарету, тут же гасит, зажигает новую, тут же снова гасит...

– Вы хоть понимаете, что не до вас мне сейчас, не до вас... тут такое... тут ограбление века, двести тысяч тонн золота пропали, двести тысяч тонн! А вы тут с домом со своим...

– Где пропали?

– Так вы ничего не знаете? Нет, вы действительно ничего-ничего не знаете?

– Но....

– Так вот же, читайте, читайте!

Детектив сует мне под нос развернутую газету, не сразу понимаю, что именно я читаю. Ограбление банка. Неизвестные похитили...

Мне не дают дочитать, газету вырывают из рук, детектив отчаянно хлопает на меня страницами:

– Скорее же! Скорее!

Делать нечего, бегу за детективом, даже не успеваю закричать, что ему хорошо, у него вон какие страницы здоровенные, а мне за ним не угнаться... Детектив уже и сам всё пони-

мает, толкает меня под колени, чер-р-рт, падаю на страницы, хватаюсь за обложку, летим над ночным Таймбургом. Только сейчас жалею, что не надел пальто, да и шарф бы не помешал, а где шарф, а нету, унесло ветром...

– Да вы посмотрите на это! Посмотрите!

Смотрю. Не понимаю, на что нужно смотреть. Громадина банка возвышается на проспекте, уже издалека замечаю проломленную крышу, ловко её разломали...

– ...главное, откуда забрались? Откуда забрались, я спрашиваю? Во всей округе нет башни выше, откуда они...

Пытаюсь отшутиться:

– Может, по воздуху прилетели?

Детектив распушает страницы:

– Вы... вы на что намекаете, а?

– Ну, я же не говорю, что вы...

– ...нет, вы на что намекаете, а? Вы что имеете в виду, я спрашиваю? Вот так, да? Так? Ничего, что мы выше второго этажа не летаем, а?

Поднимаюсь на высоченную башню, заглядываю в провал в крыше, смотрю на разбросанные бумажки, обломки какой-то мебели, что здесь было, черт возьми... Смотрю на раскуроченный сейф, отчаянно пытаюсь сообразить, чем можно так раскурочить толстенную металлическую дверь.

Не понимаю.

– Вы осторожнее.

– А?

Оборачиваюсь, смотрю на полицейского, откуда он тут взялся...

– Вы осторожнее. Здание-то не построено еще.

– Простите?

– Это здание еще не построено. Здесь опасно находиться.

– В смысле... не достроено?

– Нет. Не построено. Здесь опасно.

– Но... почему?

– Ну... не знаю. Но опасно...

Понимаю, что с сумасшедшим спорить бесполезно. Осторожно киваю:

– Ну... хорошо, хорошо... Мы будем осторожны... Обязательно.

Страж порядка уходит, спохватываюсь, что надо было сказать ему про преступление, да поздно, поздно, уже ушел, да и что говорить с сумасшедшим...

Из страниц детектива выпадает газета, которую он мне показывал. Подхватываю газету, черт возьми, дайте мне, наконец, нормально посмотреть статью, дайте, дайте, дайте...

Смотрю на фотографию над статьей, вздрагиваю, не понимаю, розыгрыш какой-то, фантастика какая-то, – на фотографии над городом возвышается девушка на крылатой машине, светлые волосы выбиваются из-под темного шлема...

Спыхватываюсь:

– Так вот же... смотрите...

– Что такое?

– Вот... смотрите... вот как она сюда проникла...

Детектив многозначительно присвистывает, а я и не думал, что книги умеют свистеть.

– Ничего себе... похоже, мы имеем дело с какими-то неизвестными технологиями...

– Думаю, она и сейф открыла чем-то таким... чего мы еще не знаем...

Смотрю заметку в газете. Смотрю как следует. Если бы еще не мешал детектив, не хлопал крыльями, а он хлопает, волнуется. Известная грабительница Элизия совершила дерзкое ограбление банка...

Элизия...

Отчаянно припоминаю, где я слышал это имя, – ничего не припоминается.

Элизия.

– Ну что вы, что вы думаете, где её искать?

Это детектив не говорит. Это он думает. Я тоже думаю, верчу в руках газетную статью, отчаянно пытаюсь понять...

Спохватываюсь.

Смотрю на газету, первый раз смотрю как следует, спохватываюсь:

– Э-э-э... прошу прощения, вы на номер газеты смотрели?

– А что такое? – пальцы с сигаретой замирают в воздухе.

– А за какой год газета?

– Э-э-э... пятнадцатое сентября тысяча девятьсот... что-то? Тысяча девятьсот? Быть... быть не может... Слушайте,

действительно... Какие мы с вами остолопы, это же газета из будущего, это же ещё не произошло, это только случится...

– Ну конечно, сразу можно было догадаться – крылатые машины, связь на расстоянии...

– Слушайте, как хорошо, что вы увидели, это же мы с вами преступление предотвратить сможем... Это же надо в полицию сообщить... Слушайте, уж и не знаю, как вас благодарить...

Напоминаю:

– Вообще-то я вас помочь просил...

– Помочь? Чем помочь? А, ну да, вы про дом свой говорили...

Напоминаю:

– Мой замок... снести хотят... вернее... уже снесли... вернее... я ничего понять не могу...

– Ну, хорошо, хорошо, пойдемте в замок, посмотрим... что там...

Детектив снова взмахивает крыльями.

Разжигаю камин, плотнее закрываю ставни. Думаю, надо ли предложить детективу чашку чая, или ограничиться жарким камином, все-таки книги не пьют чай. Пока мы летели к поместью, мелкий дождичек перешел в первый снег, сырой, холодный, промозглый, от которого детектив поежился. А уж когда поднялся ветер, детектив и вовсе предпочел сложить страницы и спрятаться у меня за пазухой.

Искры камина.

Ветер стучит в окно.

Детектив осторожно отодвигается от пламени, расправлять страницы, сушится.

Прихлебываю чай, осторожно добавляю туда пару капель коньяка.

Детектив спохватывается:

– Скажите... у вас есть документы на поместье?

– Гхм...

Одергиваю себя, понимаю, что первый раз слышу про какие-то документы, а что, были какие-то документы, завещание, я в здравом уме и светлой памяти завещаю поместье своему наследнику... завещание, завещание, где оно, это окаянное завещание, перебираю бумаги, а ведь нету, нету...

Обреченно смотрю на книгу. Детектив как будто не видит, не замечает меня, шепчется с кем-то, с кем, черт его

дери, здесь же никого нет, нет, нет. Жуткие суеверия лезут в голову, уже начинаю оглядываться в поисках призраков – тут же спохватываюсь, понимаю, что детектив говорит с книгами в моем доме. Наконец, поворачивается ко мне:

– Послушайте... вы скажете, что я сошел с ума... но книги в доме ничего не знают про поместье. Похоже... похоже, поместье само ничего не знает про себя. Хотя... постойте-постойте... вот оно... поместье... построено по приказу леди Отем. Вы... вы не владелец этого поместья, оно принадлежит леди Отем, зачем вы врете... зачем?

– Но...

– ...вот... леди Отем приказала отстроить поместье, но приказала снести его, чтобы досадить бывшему мужу...

Затравленно смотрю на детектива, спрашиваю:

– Где... где её искать?

– Не знаю я, совсем не знаю... да вы посмотрите в документе...

Смотрю в документе. Не сразу замечаю дату, тысяча шестьсот, тысяча шестьсот, это какой же век...

– Вашего поместья нет.

– Но...

– ...и вас нет.

Еще пытаюсь что-то возразить, когда вижу, как стена гостиной начинает просвечивать, я вижу ветки старого клена, я вижу ограду... нет, ограды уже тоже нет, её построили вместе с домом, и клена нет, его посадили у дома, и...

Хватаюсь за самого себя, теряю самого себя в пустоте осени.

Еще успеваю увидеть на странице документа имя леди Отем.

Элизия.

Элизия.

Хочу отключить связь. Не имею права. Я должен слушать
вот это вот:

Элизия.

Опять Элизия, откуда Элизия, почему Элизия, зачем Элизия. И вообще мне не до Элизии, ни до кого, ни до чего. Отчаянно пытаюсь вспомнить, что я делал вчера. Терзаю память. Снова. Снова. Снова.

ПРОСМОТРЕТЬ ИСТОРИЮ

ЗАПИСЕЙ НЕТ.

Вот так. Просто. И черт меня возьми, я не стирал записи,
не стирал...

Элизия.

А.

Ну да.

Элизия.

– Четыре ограбления за ночь.

Меня передергивает. Ну почему, почему, почему в мою смену, потому что всегда в мою смену, вот почему. Всегда. В мою. Смену. Элизия.

– Что вы говорите?

– Четыре ограбления за ночь.

Смотрю на город – отсюда, с высоты башни, он кажет-

ся бесконечным. Думаю, где она прячется, черт побери, она должна где-то прятаться, она не может с наступлением дня растворяться бесследно.

Киваю:

– Общайте город.

Мои работники сигналият мне, намекают осторожно, что они город обыскивали и вчера, и позавчера, и много еще когда, и ничегошеньки не нашли, ничегошеньки-ничего...

– Ну, хорошо... – оглядываюсь, – пойдёмте... посмотрим... место преступления...

Переключаю свое сознание на флаер, сознание почему-то перескакивает на пятый флаер, почему на пятый, а неважно, какая разница.

Поднимаемся в небо, включаем мигалки, флаеры расступаются, растекаются прочь, смотрят на полицейский кортеж.

– А ты кем хочешь стать, когда вырастешь?

– А я полицейским буду.

– А если серьезно?

– И я серьезно...

А мне не верили.

А я стал.

Снижаемся, только теперь понимаю, что напрасно взял пятый флаер, почему его вообще не списали, правый винт простре... да, прострелен.

– Вот здесь.

Смотрю на банк, который мне показали, нет, быть не может, ошибка какая-то, башня стоит целехонькая, нетронутая, да они все после Элизии были вот такие, целехонькие, нетронутые, а внутри – пустота.

Пустота.

Двери банка не хотят открываться, будто сомневаются, да есть ли у меня универсальный пропуск. Настаиваю – есть, есть – меня пропускают.

Оглядываюсь, ничего не вижу, хоть бы загвоздочка, хоть бы защепочка какая – ничего.

– Как она сюда проникла?

Все молчат.

Хватаюсь за соломинку:

– А... может... сами банковские украли? А то очень удобно на Элизию свалить...

– Проверяли... не они это...

Думаю, как можно украсть так, чтобы никто не узнал, это собственную историю надо стирать, это вообще немислимо, стереть историю, это я не знаю, кем надо быть.

БАЛАНС 18.03.2805 Г.

340 000 000 000 000 У-Е

БАЛАНС 19.03.2805 Г.

0 У-Е

Проверяю по часам, тэ-экс, ограбление случилось ночью, значит, надо смотреть часов с одиннадцати, одиннадцать

нуль-нуль, всё в порядке, одиннадцать тридцать, ничего, двенад...

...ВОТ ОНО.

БАЛАНС 11:59:59

340 000 000 000 000 У-Е

БАЛАНС 12:00:00

0 У-Е

Вот так.

За одну секунду.

Оборачиваюсь к оторопевшим служащим:

– Скажите... это вообще... возможно, нет?

– Нет данных.

– Черт...

Уже понимаю, что ничего я здесь не найду, уже собираюсь уходить, когда буквально наступаю на что-то неприметное, а вот оно, кусок фары от флаера, так-так-так...

Прячу в пакет.

Выходим.

Киваю помощникам:

– Ведите... где там второй банк...

Ведут. Оглядываюсь по сторонам, как будто надеюсь заметить в толпе Элизию. Элизии нет, а может, есть, я все равно не знаю, как она выглядит. Едва не врезаюсь в стену дома, кто-то подхватывает меня, да вы осторожнее...

Маленькое хранилище под самой крышей. Снова никаких следов взлома, черт побери, никаких следов. Открываю

дверь – на этот раз к универсальному пропуску претензий нет, двери отодвигаются моментально.

Оглядываюсь.

БАЛАНС 12:59:59

670 000 000 000 000 У-Е

БАЛАНС 01:00:00

0 У-Е

И буквы на экране —

Элизия.

Провожу рукой по экрану, буквы стираются, они написаны поверх монитора, значит, Элизия была здесь, сама, лично.

– Кто-нибудь видел её?

– Подбили.

Бьется сигнал, вот оно, вот оно, взяли...

– Где она?

– Ушла... улетела, то есть... Но подбили, подбили, правый винт вдребезги...

– Молодцы.

Спохватываюсь:

– Позовите служащих... я их опросить хочу.

Жду. Ничего не происходит, мелькают данные на экране.

Повторяю:

– Позовите служащих.

– Уже позвали, – отвечает служащий.

Служащий. Я не вижу его лица. Только голос в динамике.

– И где же они?

– Вот же... на экране... всех в чате собрали...

– Я хочу видеть их лично... всех...

Динамик возмущается:

– У нас есть хранитель в архиве, громадина в тысячу тонн, – тоже сюда позвать? Ничего, что он здесь не поместится?

– Ну, хорошо, хорошо... – поворачиваюсь к экрану, уже хочу выбрать себе первую жертву, когда в комнату входит нечто антропоморфное, ага, кто-то все-таки пришел, торжественно смотрит на меня...

– Вы его взяли? Отлично...

Не понимаю:

– К-кого взяли?

Вошедший оборачивается к моим помощникам, отчаянно жестикулирует:

– Так это же он банк грабанул, он!

Меня передергивает. Вошедший продолжает атаковать:

– Слушайте, хорошенькое дельце, значит, сами банки грабите, сами же расследуете?

Меня передергивает.

– Арестуйте его.

Моего обвинителя уводят, отчаянно соображаю, кто из нас сошел с ума. Опрашиваю свидетелей, свидетелей нет, никто ничего не видел, кто-то летел, в кого-то стреляли...

– Ну, хорошо... посмотрим третий банк...

Стараюсь успокоить сам себя, получается плохо. Движемся в сторону третьего банка, прохожие почтительно расступаются. Оглядываю лица, лица, лица, наобум проверяю память того, другого, третьего – нет, не то, не то... Немедленно прижмитесь к обочине... это еще что такое... Это, похоже, мне. Останавливаюсь, выжидаю, что такое, в чем дело, винт прострелен, знаю, знаю, заменяю... А? фара разбита? Это новенькое что-то... прикладываю к разбитой фаре обломок, подобранный в банке, меня передергивает, вот чер-р-рт...

Помощники молчат, вот это плохо, что они молчат, лучше бы сказали чего, а чего тут скажешь...

Хватаюсь за соломинку:

– Кто-то меня подставить пытается... кто-то...

Молчание.

– Ладно... давайте... в банк... он вон там, за углом...

– Мой босс...

– А?

– А откуда вы знаете... куда ехать?

– Вы же мне ска...

– ...не говорил.

Повторяю. Строго. С нажимом.

– В отделе сказали. Пойдемте... посмотрим...

Открываю двери хранилища.

Элизия.

Здесь, на стене.

Надпись.

Элизия.

Почему в мою смену, почему, почему...

Элизия.

Где она прячется, черт её дери, где она прячется...

Стрелка часов подползает к полуночи.

23:59:59

Моя смена кончается, легко сказать, кончается, все только началось, искать улики, искать Элизию, искать...

00:00:00

...около полуночи убиты два сотрудника полиции, ограблено хранилище в центре города...

Читаю.

Еще не знаю, кто виноват, вертится в голове —

– Элизия.

Элизия, Элизия, опять Элизия, снова Элизия...

– Вы видели это?

Смотрю на своего босса. Не понимаю.

– Вы... вы это видели?

– Что... видел?

– Как это случилось? Вы же были там... рядом с ними?

– Н-нет.

– Но как же, вы...

Повторяю. С нажимом.

– Меня там не было.

Добавляю:

– Будем её искать...

Проверяю собственную историю.

Так.

На всякий случай.

Когда никто не видит.

23:59:59.

ЗАДАЧА

ИСКАТЬ: ЭЛИЗИЯ

00:00:00

НЕТ ДАННЫХ.

Элизия Арчибедл

11.11.1365—11.11.1390

Тайлер Ивнинг

11.11.1390—11.11.1450

Элизия Арчибедл

11.11.1450—11.11.1520

Тайлер Ивнинг

11.11.1520—11.11.1595

Элизия Арчибедл

11.11.1595—11.11.1670

Тайлер Ивнинг

11.11.1670—11.11.1700

Пролистываю до конца.

Нет совпадений.

Нет.

07:00:18.03.2805—00:00.19.03.2805

Тайлер

00:00:19.03.2805—07:00.19.03.2805

Элизия

Снова прокручиваю до конца.

Снова никаких совпадений.

А с чего я вообще взял, что смотреть надо с четырнадцатого века, может, раньше были они, только не Элизия, и не Тай-

лер, а по-другому как...

Ползу по мертвой звезде.

Перебираю даты.

А вот.

Одиннадцать, Одиннадцать, Одиннадцать, Одиннадцать.

Ищу.

Смотрю на незнакомое имя, уже не сомневаюсь – Элизия.

Смотрю на второе незнакомое имя, тоже не сомневаюсь –

Тайлер.

Смотрю на дату на своем таймере. Одиннадцатое ноября тысяча сто одиннадцатого века тысяча сто одиннадцатого года.

Одиннадцать часов пять минут.

Жду.

Она должна прийти.

Потому что.

Она придет к единственной звезде, которая еще... нет, уже не горит, которая еще просто существует, от гравитации которой еще можно получать топливо.

Выжидаю.

Вселенная молчит.

Тоже выжидает.

Располагаюсь на погасшей звезде, раскидываюсь исполинским мегаполисом.

Темная тень в небе, темнее самой вечной ночи.

Приближается.

Опускается на мертвую звезду.

Встреча.

Что-то происходит между нами.

Что-то...

До конца проспекта. И направо. Там улочка, маленькая, неприметная, в прошлый раз я её и не заметила, в этот раз найду, ничего, найду.

Нахожу.

Вывеска.

Кафе «Пьяная сова».

Мимо.

Две высотки, между которыми зависла над землей громадина космической станции.

Мимо.

Неприметный дом, построенный незнамо в какие времена.

Здесь.

Трансформируюсь, выпускаю из флаера свою антропоморфную версию. Вхожу в неприметный зал, люди расступаются, люди боятся, чего они боятся, а, ну да, на мне же полицейская форма.

Спрашиваю:

– Он был здесь?

Люди за столиками хотят спросить – кто, тут же спохватываются, не спрашивают.

– Тайлер... приходил в полночь.

Киваю.

– Кассу забрал.

Снова киваю. Смотрю на кассу, так и есть, никаких следов взлома, как будто тот, кто открывал кассу, держал в руке универсальный ключ. Открываю кассу своим универсальным ключом, делаю вид, что исследую.

Тайлер.

Он был здесь.

Тайлер.

Сухие газетные сводки, случайные сообщения в сети.

Трогаю клавиши, к которым прикасались его пальцы.

Где он прячется, черт его дерит...

Выстрел.

Еще.

Еще.

Прячусь под стол, уже не сомневаюсь – стреляют в меня. Кто, зачем, почему – кто знает. Бегу прочь в неприметные подсобки, коридоры, прочь на улицу, по переулкам, стреляют, стреляют, стреляют, не надо, не надо, не надо, кто-то орет в громкоговоритель, немедленно остановитесь, вы арестованы.

Нет.

Ошибка какая-то.

Быть не может.

Арестована...

Обвиняется в многочисленных взломах...

– Бросьте оружие.

Бросаю, тут же проклиная себя за это.

– Где вы были сегодня ночью?

– Дома...

– ...не врите. Посмотрите свою память.

Смотрю память, да вот, вы сами гляньте, ничего такого там нет, тут же спохватываюсь, чер-р-рт...

23:59:59.

ЗАДАЧА: ПОИСК ТАЙЛЕРА

00:00:00

НЕТ ДАННЫХ

Выстрел.

Вселенная разрывается на куски.

Взрыв.

Это говорит наставник. Наставник. Чашка кофе в дрожащей старческой руке.

И он говорит:

Взрыв.

Элизия кивает. Взрыв так взрыв. Только непонятно, что – взрыв. Устроить взрыв, предотвратить взрыв, или...

– Большой взрыв.

Элизия кивает, большой так большой. Элизия взрывы не любит, Элизии бы поспокойнее что-нибудь, ну что поделать, если наставник велит.

– Вселенная начинается от Большого Взрыва.

Элизия кивает. Элизия любит, когда наставник рассказывает про вселенную. Наставник. Чашка кофе в дрожащей старческой руке.

– Если не будет Большого Взрыва, не будет и вселенной.

Это снова наставник.

– А что нужно для взрыва?

Элизия думает. Думай, думай, Элизия, зря, что ли, учи-лась...

Мотает головой.

Нет.

Не знает.

– Две половинки нужны. Плюс и минус.

Это наставник говорит.

Наставник.

Чашка кофе в дрожащей старческой руке. Он всегда так является – чашка кофе в дрожащей руке.

Элизия просыпается. Потягивается в постели, зябко по-еживается, думает, позвать служанку или самой разжечь огонь в камине...

Элизия бросается к наставнику, чуть не выбивает чашку из призрачной руки:

– Я нашла его... нашла!

– Нашла? И где же?

– Да вот же, вот... смотрите... – Элизия показывает газетную заметку, – вот... загадочное ограбление банка, полиция топчется на месте... Подозревается... это же его имя, да?

– Его имя... а ты на дату посмотрела?

– На да... ой, это как это...

– А вот так... Ну ничего... ищи... ищи и обрящешь.

Элизия кивает – сквозь дрему, сквозь сон, напоминает себе – детонатор.

Чтобы не забыть.

Детонатор.

Квант

– Парень... ты успокойся, нормально давай поговорим...

Иду прямо на парня с автоматом. Кто-то шепчет мне под локоть, жить тебе надоело, или как. Не надоело. Этим вон, которые в заложниках сидят, тоже не надоело.

– Чего... достало всё?

– А вам чего нужно?

Голос хриплый, прокуренный, мда-а, на вид лет семнадцать, уже все легкие скурил...

– Помочь тебе хотел...

– Знаю я ваше помочь... в милицию сдадите...

– Зачем тебе в милицию, ты же ещё не натворил ничего.

Кажется, верит, кажется, уболтал я его. Делаю ещё шаг. Смотрю, как сзади к парню подбираются двое в форме, пацаны, давайте быстрее уже, потом копать будете...

– А требования у тебя какие?

– К-какие требования?

– Ну... когда заложников захватывают, требования выдвигают, ты что хочешь?

Ага, завис парень. Вот так, чего хотим – не знаем, когда хотим – прямо сейчас...

Люди в форме кидаются на парня, трещит автомат, ненавижу этот треск, па-а-арень, в меня-то почему, я-то тут при чем...

Падаю, откуда столько кровищи, а-а это моя, и жуткие какие-то мысли, не надо, не меня, не со мной...

Смотрю на свое тело как со стороны, ну и рожа у меня, прости господи, и вообще худеть пора...

О чем я...

Место развилки

...ди в форме кидаются на парня, тот направляет на меня автомат, парень, я-то тут при чем, меня-то за что...

Автомат молчит, что-то случилось, парень, я стесняюсь спросить, ты стрелять-то вообще умеешь, или нет...

Люди в форме швыряют подростка на пол, э-э-й, вы поосторожнее с ним, человек все-таки, еще не убил никого, не успел...

Обошлось.

Только сейчас чувствую, обошлось, а ведь мог же меня и хлопнуть, за ним станется.

– Ну, ты вообще в сорочке родился, – Рольский спешит ко мне, вот так, как всё кончилось, так вот мы уже тут как тут, а пока этот псих с автоматом стол, мы в машине сидели...

– Рад стараться.

– Тут бы ответить – служу России. Не отвечаю. Мало ли, может, уже нет никакой России.

– Надо говорить «служу России», что ты, в самом деле... а молодчина, побольше бы таких...

Спохватываюсь.

– Это... я у тебя пятерку стрельну до завтра?

Рольский смотрит на меня, как на психа. А может, его и не Рольский зовут. Но пятерки-то у них точно есть. Пять у-е. пятьдесят у-е. пятьсот у-е. Пять миллиардов...

– Вчера же получка была.

– Да... за кредиты всё отдал, потом жратвы накупил...

Даже не знаю, есть ли у них кредиты. Жратва точно должна быть...

– Эвона как.... Держи...

Смотрю на банкноту, вроде бы пятьсот рэ. Билет банка России, все при всем. А нет, Россия написана с тремя эс, значит, правильно пятерку стрельнул...

– Тебя подбросить? – спрашивает Рольский.

Оживляюсь.

– Ага... до дома... устал, как черт, блин, три минуты с парнем поговорил, будто на мне неделю воду возили...

Садимся в машину, замечаю, что Рольский не держится за руль. Вот оно что, машины у них сами ездят... нехило. Лихорадочно оглядываюсь, что у них ещё может быть не так, вроде всё так, то-то и оно, что вроде, потом окажется, или светофор не того цвета, или движение левосторо... а-а-а, так оно и есть...

Визг тормозов.

Машину дергает вправо-вправо-вправо, да что там за черт, стремительно приближается столб, нет-нет-нет,

не надо не-на-до-ненадо, мир разрывается, странно, что не чувствую боли...

Место развилки

Машину дергает вправо-вправо-вправо, хватаю руль, выкручиваю, резко, сильно, что-то хрустит в приборной панели, и машину выносит на тротуар...

– Что за черт вообще? – смотрю на Рольского, не-ет, уж каких законов тут нет, но это все равно как-то не по правилам...

– Девка на дорогу выбежала...

– Девочка?

– Ка-кая девочка, лет тридцать ей девочке этой! С-сучка крашенная... убил бы...

– Так и убил бы, чего машину выкручивал?

Фыркаем.

– А ты чего руками-то руль, на ментале слабо? – Рольский смотрит на меня, нехорошо смотрит.

– Да на каком ментале, тут имя собственное забудешь... от страха.

– Тоже верно... а молодчина, выкрутился...

Спохватываюсь. Говорю осторожно:

– Я у тебя пятерку стрельну до завтра?

Уже жду ответа – так стрелял же.

– Так получка же завтра...

– Вот с получки и отдам...

– Держи, – отдает нехотя, мне прямо неловко становится, что у человека последнее отбираю. Смотрю на банкноту, так и есть, всемирный банк Конфедерации...

На сегодня переходов хватит. Мысленно даю себе зарок – переходов хватит. Хотя точно знаю, если зарок дать, точно что-нибудь стряется, или балда какая под колеса кинется, или вообще весь город на воздух взлетит к ядерной фене.

– Ну... приехали.

Смотрю на дом, точно мой, здесь я никуда не переехал. Выхожу из машины, слышу рёв мотоцикла слишком поздно...

Место развилки.

Голос рая

– Вставай давай, что зеваешь, рай проспичь!

Я вскочил, как ошпаренный. Рай... как я мог забыть, что скоро рай. Обычно наоборот, чем ближе рай, тем чаще про него вспоминают, а я...

Нет, какой-то я ненормальный...

А в деревне уже все проснулись, шумят, галдят, еще бы не галдеть, рай-то близко, да и конец света не за горами. Солнце выползает из-за гор, желтое, холодное, туманное, как осенний листок, – верный знак, что близко конец света, верно говорят старики.

А что стариков слушать, я и сам чую, что конец света близко. И не надо никого слушать, я это просто знаю, так же четко, как знаю, что я – это я...

– Ну ты на тренировку-то идешь или нет?

Учитель хлопнул меня по лбу. Лютует учитель, еще бы, чем ближе рай, тем лютее учителя...

Ясное дело, тренироваться не будешь, до рая не доберешься...

А деревня кипит, деревня шумит, кричат все, бегут на пустошь, на скалы, спешат, спешат, занять места поудобнее на скалах, чтобы в первых рядах быть, а не в последних. Молодец учитель, вовремя меня разбудил, одним из первых я взбежал на скалы.

Ясное дело, не будешь тренироваться, до рая не доберешься. А как до рая не добраться-то... Скоро конец света, скоро наша живая земля станет мертвой, и кто останется на ней, тот тоже станет мертвым, так старики говорят. А спасется только тот, кто доберется до рая.

Рай... кто его знает, какой он рай... Одни говорят одно, другие другое, как будто каждый рай представляет по-своему. Одно я знаю наверняка – в раю хорошо, как-то особенно хорошо, как нигде. И знаю не потому что старики сказали, а просто знаю – как знаю, что я это я, и что солнце встает на востоке.

И рассказывают старики про дивный рай, и смотрят на юг, на юг, где и есть этот дивный рай.

Так старики говорят.

Спешит народ на высокую гору, торопится, учителя подгоняют учеников, старики подгоняют молодых... ветер гонит облака – холодный ветер, раньше не было на земле нашей таких ветров...

Конец света не за горами...

– Слышишь, как зовет тебя рай? – спрашивает учитель.

– Слышу, – киваю я, показываю на юг, – немножко слышу...

– Врешь ты все, ничего ты не слышишь, – учитель дернул меня за загривок, – слышит он... Те, кто слышат, у тех знаешь как глаза горят? Да они вперед нас готовы в этот рай полететь, так их рай зовет...

Я молчу. Мог бы не напоминать учитель, что я не слышу рай. Мне обидно до слез, ровесники мои все уже слышат голос рая, рай вкрадчиво, тихо зовет их по ночам, рай зовет их на рассвете, не дает спокойно спать. А я не слышу рай, я не знаю, что такое – голос рая.

Я даже боюсь, что не попаду в рай...

– Ну что встал? – учитель подгоняет меня к краю обрыва, – боишься? Смотри, кто боится, тот в рай не попадает...

Боюсь... и стыдно бояться, а что делать – да, боюсь, замираю на краю обрыва, миг, другой... Вскрикиваю, прыгаю вниз с огромной высоты...

Ветер в ушах...

Разобьюсь...

Так и кажется, что разобьюсь...

Нет...

– Давай, маши, маши! – кричит учитель.

Расправляю крылья...

Ветер подхватывает меня, несет в небо. Крыльями машу, крыльями, крыльями. Выше взлетаю, еще выше, кажется, поднимаюсь к самому солнцу. Кто-то обгоняет меня, кого-то обгоняю я, и как будто нет земли подо мной, только бесконечное небо. Учитель что-то кричит, я его не слышу, нет уже для меня никакого учителя, я улетаю в рай...

Крыльями, крыльями...

А там, в раю, хорошо... там, говорят, молочные реки и кисельные берега, там не надо шастать по холмам, собирать

клюкву и морошку, ягоды будто бы сами падают в рот. Там в раю хорошо, и холодных ветров нет, и дождей нет, только тишь и благодать, и солнце жаркое светит.

Крыльями, крыльями, крыльями...

Поднялся в высокое небо, замер в солнечной вышине...

А потом я посмотрел на запад.

И не спрашивайте, как это получилось – просто посмотрел на запад, и все. Обернулся в закатное марево, все так же работая крыльями, крыльями, кры...

...крыльями, кры...

Да что это такое...

Что за черт...

Я стоял на скале и смотрел в холодное закатное небо, и надо было махать крыльями, и надо было спешить куда-то, и не махалось, и не спешилось. И не оторваться, и не отвернуться было от этого студеного закатного марева.

Потому что – я знал это совершенно точно – лететь надо было туда.

Откуда знал – не спрашивайте. Оттуда же, откуда знал, что я – это я, что болотную клюкву можно есть, с кислинкой она, а волчью ягоду нельзя. Оттуда же, откуда знал, что нужно бояться медведя, а за мелкой мышкой можно и поохотиться...

Знал...

Смотрел – и не понимал, почему остальные так рвутся куда-то к югу, где нет ничего, только океан, океан, когда лететь-то нужно к западу, уж если где есть рай – так это там...

– Ну что ты там увидел? – учитель подкрался сзади, хлопнул меня по затылку, больно-прибольно.

– Там... рай, – только и сказал я. Был слишком шокирован, чтобы что-то сказать, что-то объяснить...

Как можно объяснить рай...

– Нет, нет, на юге рай – учитель снова хлопнул меня, – все-то ты путаешь, откуда только такой взялся...

Сердце екнуло. Вечно напоминает, что я сирота, будто сказать ему больше нечего...

– Да как же там? – спросил я.

– Да так там... – Учитель повернулся к югу, где ничего не было, – разве не чувствуешь? Разве не слышишь рай?

Он посмотрел на меня как-то странно. Это был знак, я его не понял, мне бы тогда было замолчать, я не замолчал...

– Нет... не слышу.

– Совсем?

– Совсем нет... Разве вы не слышите голос рая? – я повернулся к западу, откуда громко, беззвучно кричал рай.

– Там... на западе?

– Ну да.

– Да как-то не очень... – учитель нахмурился, он уже не смотрел на меня, куда-то в сторону, в сторону.

– Ничего, главное я слышу... я вас поведу... – я еще раз прислушался к сладкому, с ума сводящему зову, – а мы завтра вылетим, да?

– Да... завтра... – учитель отступил от меня, как-то боч-

ком, бочком, – ну давай... тренируйся пока...

Тогда еще можно было что-то сделать – но я не понимал, что нужно делать, я не чувствовал беды. Да какие могут быть беды, какие могут быть дела, когда слышишь голос рая – там уже нет ничего, мира нет, самого тебя нет, есть только рай...

Крыльями, крыльями машите...

Крыльями...

Кры...

Учитель потихоньку перешептывался с другими наставниками – даже странно, что полупшепотом, обычно кричал так кричал, на весь берег было слышно. До меня долетали обрывки фраз, кажется, нечего мне тут подслушивать, а куда денешься, доносит ветер слова... Ересь? Да какая там ересь, он же слышит, на полном серьезе слышит... глаза его видели? Сумасшедший? Да нет, тут другое... Думаете, то самое... Да не думаю, вижу... на моем веку три раза случилось...

Крыльями, крыльями маши...

Крыльями...

Кры...

Они потихоньку подбирались ко мне – вдесятером, вдесятером, странно, что на других учеников и не смотрят даже, все на меня... Ладно, не мое дело, мое дело крыльями махать, и посильнее, получше, все-таки наставники смотрят...

Крыльями, крыльями...

Ближе, ближе наставники... короткими криками подзы-

вают к себе учеников... мне тоже к ним подойти, что ли... да нет, меня не звали...

Крыльями, кры...

Кры...

Они были со всех сторон, когда я понял – нужно что-то делать, кажется, понял поздно...

Было больно.

Раньше я не знал, что бывает так больно – ну падал со скалы пару раз, ну дрался с парнями, но это все мелочи... Плохо, что не побежал, не полетел сразу, еще надеялся на что-то, еще чего-то ждал, что поколотят и отпустят, выдерут, и отпустят, ну всегда же так, учитель хлопнет раз-другой, да все...

А больно-то как...

Виски до сих пор кровоточат, это совсем дело дрянь, они же мне голову разбили...

До смерти хотелось пить, но чтобы пить, нужно было идти к роднику, а у родника меня сразу заметят, дозорные-то не спят. Да много кто не спит в ночь перед раем, хотя надо бы выспаться всем. А ведь не спят, рыщут по камням, ищут меня, что им не сидится-то...

Пить охота...

Глотаю холодный ночной ветер, кажется, с самих звезд.

А как им меня не искать... найти и добить, добить, там уже не будет суда и пощады, это воров судят, убийц судят, клятвопреступников судят, это да... Еретика высекут

на площади... насильника отколотят до полусмерти... Но я-то дело другое...

А ведь не сразу понял, за что меня гоняют, если бы сразу понял, может, уцелел бы... еще думал – за ересь, за глупость, хотя какая тут может быть ересь и глупость, когда слышишь рай... понял, когда уже загнали на скалу, и били, били, били, и стар и млад, и учителя, и ученики, и небо казалось красным, и земля казалась красной, и кто-то крикнул в толпе – у меня будто пелена с глаз упала —

– Дьявол!

Дьявол...

А ведь было уже такое... когда-то давно, я еще мальчишкой был, еще плохо понимал, кто я и что я, еще только узнавал от стариков, что вот этот мир – он не навсегда, что будет конец света, а перед концом света надо улететь в рай. А рай – он какой? А он светлый... теплый... красиво там все...

Вспомнил – отголоском далекого детства – рыжего парня, он сколотил какую-то секту, уверял, что рай не на юге, а где-то... нет, он не на запад показывал, куда-то не то на север, не то на восток. Помню, дал мне орехов, я грыз орехи, он рассказывал про рай, потом учителя надавали мне тумачков, сказали не слушать.

А его объявили дьяволом.

Не еретиком, не психом – дьяволом.

Потому что не мог отречься от своей веры, все кричал, что слышит голос рая.

Забили до смерти на скалах.

Аминь.

Пить... пропади оно все, дойти до родника... А не дойдешь, зашибут, они только и ждут, когда я вылезу из своего убежища. Это ночью можно было еще вылезти, добраться до родника, а теперь светло, теперь-то всяко найдут...

А ведь ищут, гады... Стаями, стаями поднимаются в небо, кружатся над скалами, над холодной пустошью, собираются. А заодно высматривают меня, чует мое сердце, не просто так, не улетят в свой рай, пока не выследят меня, не убьют. Вот это плохо, это хуже всего, лучше бы улетели отсюда, в свой рай, оставили меня в покое, я бы полетел на запад...

У них свой рай, у меня свой...

Галдят, шумят... а ведь ищут меня, ищут, прочесывают склоны... дался я вам... а здесь небезопасно становится, надо бы подальше перебраться...

Скатываюсь в расщелину, камни скользят из-под ног, сейчас бы расправить крылья и полететь, только тогда мне точно кранты...

Вниз по ущелью... похоже, там внизу родник, это хорошо, как я его ночью-то не заметил...

– Вот он, вот же он!

Вот черт...

– Держи его... Да стой, куда ты несешься-то?

Куда несусь... от вас от всех несусь, пока не убили, что непонятно-то...

– Да стой, тебе говорят!

Ага, щас...

– Стой же... – Учитель вынырнул откуда-то из ущелий, схватил меня за загривок, – тебе учитель стоять велит, а ты что? Кто дорогу-то указывать будет?

– Куда... дорогу?

– Да куда, в рай, куда еще... – учитель прикрыл глаза, прислушался как будто к самому себе, – нет, я тоже что-то чувствую... только смутно так смутно... Парень, ты хорошо слышишь рай?

Отпираться было бесполезно, я кивнул:

– Хорошо.

– Стаю повести можешь?

– Да что вы... я не вождь...

– Вождь не вождь, а ты рай слышишь... – он встряхнул меня за загривок, – ну где рай? Где?

Я вспомнил вчерашнее побоище, осторожно сказал:

– На юге.

– На каком юге, юг – это вчерашний день. Юг... в юг деды наши верили, прадеды, сейчас-то ежу понятно, что рай на западе... Это и я чую, что на западе, а вот где конкретно... услышишь?

Хотелось сказать нет, я тут же понял, что мои «нет» никто здесь слушать не будет.

– Услышу.

– Вот это по-нашему... ну что спим-то, все уже собрались,

ты полетишь или нет?

– Полечу, полечу, – кивнул я, взмолился, – воды глотнуть... дайте...

– Что, далеко еще? – прохрипел кто-то рядом со мной.

– Да нет... вроде где-то здесь... – я прислушался к себе, понял, что почти ничего не слышу.

– Ты это уже пятый раз говоришь... а конца-края не видно...

Я не ответил, отвечать было бесполезно. Я сам выдохся не меньше других, еще чуть-чуть – свалюсь в шумящие волны. Нет, нет, не валиться, крыльями маши, крыльями...

...крыльями, крыльями, кры...

...из послед...

...них сил...

Кто знал, что дорога в рай окажется такой тяжелой... а кто вообще обещал, что будет легко...

Летели четвертый день – на запад, на запад. Поначалу были еще какие-то островки, чахлые кустики, можно было подкормиться какой-нибудь порослью. А чем дальше, тем меньше было суши, вернее, не было совсем. Скоро совсем ничего не осталось, только море и небо, а по ночам как будто исчезало и то и другое, оставалась пустота, усеянная звездами...

– Вроде за край земли уже перемахнули, – переговаривались в стае.

– Ну... земля уже там, позади осталась...

– А кто сказал, что рай на земле?

– Да рай, это же земля... я помню, я летал...

– Странно вообще... всю жизнь деда наши и прадеды на юг летали в рай, там рай был, а тут почему-то на западе стал...

Я молчал. Ответить бы им как-нибудь, только что тут скажешь...

– Но слышите же рай? – спросил я.

– Да слышим, слышим, – нехотя отмахнулись странники.

Я уже видел – они не верили мне. Более того – они не верили раю. Да мне уже было наплевать, что они не верят мне, не верят раю, это еще полбеды, главное – что рай обманул нас, он не показывался, он спрятался где-то в пучине моря, или среди звезд, и его было не найти.

Новый порыв ветра...

Шторм...

Жестокий шторм...

– Может, привал сделаем? – спросил кто-то.

Остальные только усмехнулись в ответ. Привал... легко сказать... Дорого бы я дал, чтобы сделать привал, опуститься на землю, боже мой, на землю, вытянуться на песке...

На землю....

Нет никакой земли...

Крыльями, крыльями машите...

Крыльями, крыльями...

Крыльями, кры...

Новый порыв ветра закружил меня волчком, разметал стаю по холодному небу. Да, в такой шторм даже самые смелые летуны, даже самые опытные старики не осмелились бы лететь в такую погоду. А как не лететь, куда денешься, хочешь не хочешь – лети...

Крыльями, крыльями машите...

И как в страшном сне – машешь, машешь крыльями, а не машется, и сила какая-то – недобрая сила, неведомая сила – тянет и тянет вниз.

Вверх...

Ну давай же...

Нет сил...

– Ну что же ты? – кричит мне кто-то в ухо, с трудом узнаю учителя, – вниз, вниз давай!

– Вниз... чего ради вниз, зачем вниз, в морскую пучину бросимся, что ли... Машу крыльями – быстрее, быстрее, а все уже летят вниз, к волнам... Ветер снова бросает меня кувырком... Крыльями, крыльями... Краем глаза замечаю внизу что-то темное, неужели земля...

– Земля! – точно в ответ мне кричит кто-то.

Клочок голой земли, ровная скала в отдалении, над скалой возвышается что-то огромное, массивное, не вижу, что.

Крыльями, крыльями, кры...

Я упал на холодные камни, прислушался к себе. зов ушел, больше ничего не манило меня в незримые дали на западе. И верилось, и не верилось, что зов шел отсюда, с холодной

каменной земли...

Мой учитель распластался на камнях, оглядел серую равнину.

– Все... прилетели...

– Сереж, ты данные-то списывать будешь?

– Да пропади они пропадом...

– Это еще что, тебя зачем нанимали-то?

– Оставь, Жека, кто нас тут проверять будет... Дай.... Поспать...

– Да какое поспать, дело-то серьезное... я на этот лока-тор знаешь как рвался, это же связь с космосом... Торчит себе посреди океана и небо прощупывает... Цивилизации ищет...

– Очень рад за него... а я спать хочу...

– Так, ну я шторы-то открою, а то не видно ничего... – Жека подошел к окну, присвистнул, – ни хрена себе.

– Что там?

– Птичий базар.

– Ага, слышу, галдят, – Сергей приподнялся на локте, прищурился от солнца.

– Ужас, сколько их налетело... Это что за птицы такие, я и не знаю таких...

– Чего это они приперлись? – Сергей потянулся.

– Да захотелось им так...

– Не, тут другое. Знаешь, что? Это установка наша... Та-

релка эта на крыше, локатор наш... Сигналы-то он из космоса ловит, да он еще сам сигналы распускает, магнитные поля...

Снился свет

Снился свет.

Нет, не такой, не тусклехонький, не слабехонький, не отголосок света, не светик, не светишко, не светочек – а свет, светище, – который заливал всю землю.

Проснулся с криком.

Страшно было.

Еще бы.

Свет.

К ЧЕМУ СНИТСЯ СВЕТ

...свет во сне означает страх потери чего-то – как мы дождем крупинками света, так же мы боимся потерять что-то для нас ценное...

Да нет же, не тусклый свет снился, а свет, светище в полнеба, ничего-то вы не понимаете... стараюсь объяснить, да кому я это объясняю, страницам книги...

– Как всегда?

Это торговец.

Киваю:

– Как всегда.

Ссыпаю на прилавок хрусть.

Жду.

Он отсчитывает люксы, восемь, девять... на десятом замирает, как будто задумывается, а дать ли.

Бросает мне в ладонь.

Кланяюсь.

...вечером зажигаю последний люкс, листаю древние книги.

К чему снится свет.

К чему снится свет.

Книги, книги, глупые книги, ну давайте же, говорите же, к чему, к чему, к чему снится свет.

Книги молчат. Книги всегда молчат, но в этот раз как-то особенно. Листаю страницы, сон, сон, сон... сонник, сонный, сон... сонце.

Сон-це.

Последний люкс гаснет.

Дальше про сонце не вижу.

Ночью видел свет.

Много света.

Испугался, когда между мной и светом мелькали клочья чего-то непонятного.

Выбираюсь из норы.

Спешу.

Раскалываю лед пикой.

Много хрусти сегодня надо собрать, ой, много. Сам виноват, вчера замешкался, хрусти недобосирал.

Кладу на прилавок.

Продавец отсчитывает.

Девять.

Не верю, не понимаю, как девять, почему де...

Он мотает головой:

– Инфлюэнция.

Это я знаю, что такое. Это когда было двенадцать, а потом одиннадцать, когда было одиннадцать, а потом десять... но девять... девять?

А все.

Девять.

– Инфлюэнция.

...спохватываюсь, что так и не спросил про солнце.

Смотрю на последний люкс.

Думаю.

Взвешиваю на ладони.

Уползаю в нору. Листаю книги, ищу сон, сон, сон, сонце... Сны попадаются – страшные и смешные, веселые и грустные – сонца нет.

Потерял.

Думаю, как буду завтра впотьмах собирать хрусть.

Ночью света не было.

Свет не пришел.

...ползу по темной пустыне, ищу хрусть.

Не вижу.

Продавец придирчиво смотрит на горсточку хрусти, прикидывает, фыркает:

– Семь.

Даже нет сил спорить, семь так семь.

Спохватываюсь.

Вспоминаю:

– А... а сонце, это что за сон?

– Вы что сказали?

– Сонце...

– Неправильно.

– А?

– Неправильно, говорю. Солн-це. Через Эл.

– А-а... а почему? Оно соленое, да?

– Не... э-э-э... гхм... не знаю.

– Вы врете.

Это я не говорю, это я думаю.

Уже понимаю – не скажет.

Ищу хрусть в бесконечной ледяной пустыне.
Осталось пять люксов.
Двести тюн хрусти.
Четыре люкса.
Четыреста тюн.
Три.
Пятьсот.
Надо спешить.
Два люкса.
Девятьсот тюн.
Один люкс.
Хрусть переваливает за тысячу.
Смотрю на последний люкс.
На книги в норе...
...иду искать хрусть.
Тянется бесконечная ледяная пустыня.

– Девять люксов.

Киваю.

Спрашиваю:

– А... а солнце...

Он повторяет с нажимом:

– Девять. Люксов.

Понимаю, что ничего не узнаю.

Ледяная пустыня.

Смотрю на последний люкс.

Люкс выскальзывает из ладони, падает в снег. И нужно подхватить, и не подхватывается, стою и смотрю, люкс разьедает лед, больше, больше, больше, первый раз вижу, что подо льдом, чт-то, что-то, что-то черное, влажное...

...жду.

Смотрю, как из черного пробиваются зеленые полоски, одна, две, десять, длиннее, длиннее...

Хочу спросить, что это.

Понимаю, что спрашивать некого.

Складываю на прилавок хрусть.

Жду.

Торговец прикидывает.

Думает.

Кивает:

– Восемь.

Спрашиваю:

– Солнце?

Он мнетя. Повторяю:

– Солнце.

– Слушайте, оно вам надо?

– Надо.

– Вы смотрите, это же как получится, это вы вот сейчас, на один день... а потом всё...

Киваю:

– На один день.

Снится солнце.

Много солнца.

Очень много.

Вижу, как умирает лед. Сам себе не верю, всегда думал, что лед бессмертен. Вижу черное, влажное, много чёрного, влажного, из которого пробиваются зеленые стебли.

Вспоминаю.

Трава.

Вспоминаю.

Земля.

Сбрасываю с себя шкуру – сам себе удивляюсь, что вспомнил, как её можно сбросить.

Свет падает с высоты, больше, больше, больше, поднимается все выше. Я еще не вижу зеленую листву, там, над головой, я только знаю, что она есть.

Солнце движется к закату, ползет – неумолимо приближается к западу. Вижу силуэт торговца, вот он идет ко мне, говорит что-то про истекший срок...

Смотрю на пику в своей руке.

Вспоминаю еще одно, давно забытое.

Вонзаю пику.

Облизываюсь.

Нет, всё-таки неправильно назвали солнцем то большое,

светлое, сверху. Солнцем надо было назвать вот это, соленое,
багровое, утекающее в землю.

Смотрю на солнце.

Которое светит.

Багровое.

Утекающее в землю.

Протягиваю руки.

Думаю, уйдет или нет...

Во Юэ

– Хочу просить у вас ночлега.

Это Во Юэ.

То есть, я еще не знаю, что это Во Юэ. Да и вообще, кажется, не узнаю. Так и не спрошу у него имя.

Хочу сказать – пошел вон.

Смотрю на бескрайнюю заснеженную равнину до самого горизонта, на изможденную фигуру на пороге – не говорю.

Впускаю путника, он в изнеможении падает на пороге. Тут же мысленно хлоаю себя по лбу, кого я пустил, кого пустил, а если яогуай или что похуже. Присматриваюсь к Во Юэ, нет, не похоже на яогуая, хотя кто его знает...

Собираю на стол нехитрую снедь.

Отмечаю на календаре круглую дату – три года после конца света. Думаю про винишко в погребке, а что, сегодня и выпить не грех, тем более, есть с кем...

Шорохи за стенами, там, снаружи.

Яогуай.

А может, и не один. Приоткрываю жалюзи, смотрю на нечто человекоподобное, скрюченное, ковыляющее по снегу. Нечто замечает меня краем глаза, бросается на стекло, – вздрагиваю.

Думаю, сколько продержусь, если нападет вся стая.

И сколько вообще продержусь.

Мертвая земля.

Мерзлая, мертвая земля.

Чокаемся.

Пьем.

Думаю, как бы начать разговор, как бы узнать повежливее, что этот Во Юэ умеет, а то зачем вообще нужен мне этот Во Юэ...

– Говорили, луну в космос унесло.

Это я.

Старый китаец изумленно смотрит на меня.

Повторяю:

– Была луна... и нет.

– Была... была луна...

– Говорят, там станцию какую-то подлунную строили... лететь куда-то на луне хотели по космосу... не вышло у них...

Старый китаец кивает:

– Строили...

Шорохи снаружи.

Яогуай.

Осторожно забрасываю удочку:

– А вы... что умеете?

Во Юэ кивает:

– Переплетчик я...

Еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть презрительно. Я и так подозревал, что незванный гость человек никчемный,

Понимаю, что ничего не добьюсь.

Во-о-о-о-о-о-о-о...

Это ветер на улице.

Только что не было.

А вот те на.

Ветер.

Завывает, бьется головой в стены дома.

Еще.

Еще.

Еще.

Мир качается, подпрыгивает под ногами, еще успеваю ухватиться за подоконник, когда понимаю – земли подо мной уже нет.

Оторопело смотрю на незваного гостя:

– Это... это еще что?

– Во-о-о-о...

– Да я вижу, что во... такое во, что дальше некуда...

Смотрю на пустоту между небом и землей, на заснеженную землю за окном – которая удаляется все больше...

– Разобьемся, – шепчу сквозь зубы, – разобьемся...

– А?

– На землю упадем. Разобьёмся...

– Не... не упадем... не будем на землю...

– Да? И куда мы денемся?

– Юэ.

– Чего?

– Юэ.

Не понимаю. Делаю вид, что понял, киваю, чтобы он от меня отвязался.

Старый китаец распахивает окно, что делаешь, что делаешь, ты же нас угробишь...

Взмахивает рукавом. Что-то круглое, блестящее выкатывается из рукава, падает в небо, летит в пустоту. Приглядываюсь, не верю себе, неужели... неужели...

Да.

Так и есть.

Спрашиваю:

– А там город есть?

– Е, е... – кивает Во Юэ.

То есть, я еще не знаю, что он Во Юэ.

И не узнаю.

Потом я буду называть его комендантом города.

Персонаж не для кого

– Книга.

Киваю. Книга так книга. Это хорошо, когда книга, я, правда, уже не помню, когда последний раз книгу в руки брал. Ну да ладно. Книга. Купить книгу, продать книгу, найти книгу, спрятать книгу, что прикажете, то и сделаю.

– Книга.

Смотрю на него, не понимаю – что книга. Нет ведь, не скажет, уставился на меня, повторяет:

– Книга.

Не выдерживаю:

– А что... книга?

– А то книга... с ума он сошел, понимаете?

– К-кто?

– Эшли.

Отчаянно припоминаю. Эшер, Эш... нет, Эшер, это другое что-то. Эшерихия Коли. Тоже не то. Эшли...

– А это...

– Величайший полководец, – он смотрит на меня так, будто сейчас добавит «Стыдно не знать».

А мне не стыдно не знать.

– И он...

– ...сошел с ума.

– А книга...

– ...лежала на столе. В комнате... когда он исчез.

Не понимаю:

– Так сошел с ума... или исчез?

– Сошел с ума... и исчез.

Пытаюсь догадаться:

– Я... я должен его найти?

– Нет-нет, его уже нашли... в лагере пацифистов...

– Так в чем же...

– ...книга.

Киваю. Книга так книга.

– Он сошел с ума.

Поддакиваю:

– Эшли?

– Нет. Крайли.

– А он...

Тут же хлопаю себя по лбу, вспоминаю:

– Магнат.

– Магнат.

– Сошел с ума?

Мой заказчик кивает:

– Сошел с ума.

– И пропал?

– Нет. За полгода промотал состояние.

Вспоминаю:

– На благотворительность?

Мой заказчик фыркает. Мой заказчик. Не знаю имени.

Не вижу лица. Мне не положено знать. И видеть не положено.

– Книга.

Спохватываюсь:

– Найти книгу? Уничтожить книгу? Спрятать книгу?

Он мотает головой.

Говорит одно-единственное слово.

Но и от этого слова меня передергивает.

Их четверо.

Нет, вру.

Пятеро.

И что-то подсказывает мне, что это еще не все.

Они кланяются мне – как актеры на сцене, ведут меня по комнатам, а вот тут у нас офис, а вот тут старинный особняк... Уютное тепло камина манит меня, мои спутники чувствуют это, не знаю, как, но чувствуют, ведут меня к очагу. Смотрю на старинную карту на столе, живо представляю себе старинный город, затерянный в джунглях...

– Чай, кофе? – спрашивает молодой парень в дорогом костюме, – или покрепче чего?

Настораживаюсь:

– Не отравите?

– Не сейчас, – мотает головой сухонький старичок в кресле-качалке, – э-э-э... а вы извините, конечно... а вы... как... приключения любите или вам поспокойнее чего?

Оживляюсь:

– Приключения.

– Ну, тогда вам ко мне, – молодой человек подсаживается рядом, – итак, тем зимним вечером мы с дядюшкой сидели у камина, когда мое внимание привлекла старинная карта: я видел её и раньше, дядюшка использовал её в качестве абажура, а сегодня она отвалилась и лежала на столике...

...одно-единственное слово:

– Прочитать.

– Он пропал.

Это скажут про меня завтра.

А потом вызовут кого-нибудь и скажут:

– Книга.

А потом добавят фразу, от которой у исполнителя похолодеет сердце:

– Прочитать.

И надо спешить, надо торопиться, пока они не сказали:

– Сжечь.

Вхожу в кафе, устраиваюсь за столиком, делаю вид, что старательно изучаю меню, да, да, мне кофе, пожалуйста, листаю книгу, мелькают знакомые строки – ...мое внимание привлекла старинная карта: я видел её и раньше, дядюшка использовал её в качестве... Прихлебываю кофе, оглядываюсь – нет, никто не смотрит – выхожу из кафе, книгу остав-

ляю на столике...

...получилось.

И это только один шаг.

Маленький шаг.

– Ну, понимаете... вот живет человек... делец какой-нибудь, который за деньги мать родную продаст... или там во-яка какой-нибудь, для которого все люди делятся на своих и чужих, никаких полутонов, кто не с нами, тот против нас...

– Так...

– Ну и вот... вот такой человек открывает книгу, а там на первых страницах и не происходит ничего толком... по комнатам сидят, ходят туда-сюда, разговаривают ни о чем... И к читателю присматриваются, где он скучать начнет, где оживится, обрадуется... И дальше смотрят, что ему предложить, или уютный детектив у камина, или приключения по всему земному шару... Ну и героев ему подберут, как ему нравится...

– Это что... интерактивная книга, что ли?

– Ну...

– А как это она...

– Ну... не знаю... ноу-хау какое-то... похоже, книга воспринимает нейронные импульсы человека... сигналы мозга слышит...

– Интересно.

– Ну и вот, завлечет человека так, что он оторваться не мо-

жет... а потом потихоньку его подталкивать начнет... к доб-
рому, к светлому к чему-то... Ну там вояке девушку какую
подсунут, он в неё влюбится, а тут окажется, что эта девуш-
ка из вражеской страны... Или еще как... И читатель книгу
закрывает, он уже другим человеком стал...

– Вот как... – скажет мой заказчик...

Нет, ничегошеньки-ничего он не скажет.

Потому что ничего я ему не расскажу.

Совсем.

Киваю:

– А вы ошиблись.

Это я говорю им всем.

Всем.

Они смотрят на меня с недоумением, как ошиблись, по-
чему ошиблись, быть такого не может.

Повторяю:

– Ошиблись. Вот к вам человек пришел, вы про него что
решили?

– Что приезжих терпеть не может...

– Что приезжих, ничего, что он всех ненавидит? Вообще
всех-всех?

Старичок, который бормотал «Понаехали тут», отступа-
ет, из дальнего угла комнаты поднимается тощий подросток,
откидывает со лба темные пряди, его тут же останавливает
человек с покрасневшими глазами:

– Ты чего, а?

– А что такое?

– А то... совсем с ума сошел?

– Чего с ума сошел, роль у меня такая в книжке...

– Да я не про то... с чего ты взял вообще, что он всех ненавидит?

– А что такое?

– Ты его странички в соцсетях читал?

– А на фига?

– Ничего, что его девушка бросила? Вот он и ненавидит весь мир... Так что это я с ним разговаривать буду...

– Ну, ты вообще голова...

– Ты смотри, ты не спеши, где попало высказывать, если человек весь мир ненавидит, тут причина какая-то должна быть...

Подросток вздрагивает:

– Значит... значит, я вообще не нужен, получается?

– Ну, почему... всякое бывает... сложно всё...

Оглядываю комнату, сидящих в ней людей, мужчин, женщин, подростков, детей, ух ты, тут совсем маленькие есть...

Спохватываюсь.

Понимаю, что этого человека я раньше не видел.

Совсем.

– А... а вы кто?

Он поднимает голову, смотрит на меня пустыми глазами:

– А?

– А вы... вы кто?

– А я не знаю.

– Вы...

– ...не знаю.

– Э-э-э... наркоман какой-нибудь?

Тут же спохватываюсь, уже готовлюсь извиниться.

– Да говорю вам, не знаю я. Никто еще ко мне не приходил... самому интересно...

– Сжечь.

Вот теперь приказ по всем городам, по всем странам, по всем землям:

– Сжечь.

Книгу.

Понимаю, что книгу надо искать. Здесь, сейчас. Спрятать. Здесь, сейчас. Пока не нашли, пока не сожгли, пока не...

Стучат в окно.

Показалось.

Нет, не показалось.

Распахиваю окно, книга влетает в комнату, отряхивает со страниц капли мелкого дождичка.

– Скорее... скорее!

– Что... что такое?

– Мы должны найти его... да скорее же!

– Мы найдем... найдем другие книги... все ваши экземпляры... все экземпляры вас... обязательно... найдем...

– Да нет же!

– Не беспокойтесь, сделаем всё возможное, найдём книги...

– Да не книги! Читателя!

– И читателей вам найдем, не беспо...

– ...да как вы не понимаете, он же приходил! Приходил!

Из группы героев выскакивает тот, с пустыми глазами, про которого мы ничего не знаем.

– Он здесь был... мой человек...

– И?

– Это... это вообще кошмар какой-то...

– Да ладно, что вы, в самом деле, он же прочитал...

– ...и ничего! Понимаете, ничего не изменилось! Первый раз вижу, чтобы не подействовало...

– Ну, видно вы на него слабо повлияли...

– Что слабо, что слабо, вы сами-то попробуйте, а? А то со стороны все хороши советовать...

Схватываюсь, разнимаю всполошенных героев:

– Ну ладно, ладно... вы мне скажите, куда он пошел-то?

– Да вот то-то и оно, сейчас черт пойми, куда его черт унес! – человек с пустыми глазами набрасывается на меня, – торопиться надо! Вы хоть понимаете, что он натворить может? Это же вообще кошмар...

Молчу.

Понимаю, что надо искать.

Организация

– Как вас там... запамятовал я.

Я только что говорил, как меня там. Повторяю.

– Тим... Тимофей Кельский.

– Ну вот так, Тимофей Кельский с этой минуты должен исчезнуть...

Инспектор смотрит на меня. Многозначительно. Думаю, что я должен делать. А да, исчезнуть. Это как. Исчезнуть. Пулю в висок. А нет, исчезнуть, исче...

– Теперь у вас будет другое имя.

– А-а-а...

Кажется, я выгляжу глупо. Кажется, здесь все выглядят глупо, когда приходят первый раз...

– Паспорт ваш.

Протягиваю черную книжечку.

– Вы... вы что?

Черная книжечка исчезает в камине, ахнуть не успеваю. Кажется, так надо.

– Ну вот вам... Кондаков... Антон Игоревич, подойдет вам?

Не понимаю.

– А... а это кто?

Инспектор смотрит на меня, фыркает.

– Вы, кто.

Чуть не хлопаю себя по лбу, ну конечно... теперь бы привыкнуть к новому имени, не ляпнуть на как-тя-звать старое свое...

Это был первый день.

Это было только начало...

– Женаты? – инспектор подозрительно смотрит на меня.

Инспектор... так я и не видел никого, кроме инспектора, до сих пор сомневаюсь, есть ли вообще кто-то кроме инспектора. Может, я и не успею увидеть никого кроме инспектора, если инспектору покажется, что я недостаточно... недостаточно...

...он и так смотрит на меня косо...

Подозревает... интересно, в чем...

А?

А, да, да, женат ли я...

– Нет.

– А что так?

Неопределенно дергаю плечами. Мало ли...

– А придется... нам нужны надежные... понимаете, надежные... чтобы с женами... с детьми... Так что подсуеитесь...

Киваю. Вот оно как теперь делается... нехило.

– А... если она мне не понравится?

– Кто она?

– Ну... которую вы мне...

– Что я вам? Мил друг, вы думаете, мы вам тут невесту в фате приведем, твоя навеки, и все такое? Не-ет, уж сами ищите... ищите и обрящете...

– Есть в осени первоначальной...

– ...короткая, но дивная пора. Весь день стоит, как бы хрустальный...

– Хорош, – инспектор кивает, падают на лоб седые патлы, – Ночь тиха, пустыня внемлет Богу...

– ...и звезда с звездой говорит.

– Верно. И каждый вечер в час назначенный...

– ...иль это только снится мне, девичий стан, шелками схваченный...

– Хорош, хорош...

– А... а можно я все расскажу, мне понравилось...

– Вот вы какой... – инспектор щурится, – далеко пойдете... Вий?

– Гоголь.

– Капитанская дочка?

– Пушкин.

– Хижина дяди Тома?

– Эта... Бичер... Бичер Стокер...

– А если подумать?

– Нет, Стокер, это Дракула... а это...

– Минус балл...

– Бичер-Стоу, вот!

– Молодчина... Эм-Це-Квадрат?

Развожу руками.

– Сдаюсь.

– Эх вы, так сразу... скорость света...

Хлопаю себя по лбу.

Здесь темно. Не то чтобы совсем темно, но мерзко как-то, полумрак, ветер просовывает в заколоченные окна хищную мордочку, жалобно скулит. Интересно, все они так живут... эти... эти, которые... Хочу спросить, не спрашиваю...

– А ты?

Парни смотрят на меня. Ждут. Парни... я даже толком не знаю их имен, я ничего про них не знаю. Сейчас они пойдут куда-то в клуб, где можно напиться и не думать, не думать, вот это самое главное – не думать, потерять в толпе самого себя...

– Не-е... не пойду.

– А чё так?

– А-а... голова болит.

Парни ржут.

– Чё ты как целка ей-богу, голова болит... ещё это скажи, критические дни...

Парни хохочут, хохочу вместе с ними, хотя черта с два мне до смеха...

– Это это... сорокаградусную микстуру надо...

– Ага, я это... домой пойду... просплюсь...

Иду домой якобы проспаться, черта с два я сегодня спать буду... Ни одна живая душа не будет знать, что я делаю. Кто-то догоняет, даже толком не помню его имени...

– Ты это... не заболел, часом?

– Ну заболел, чё теперь...

Жду каких-то сочувствий, советов, не дожидаясь, а ну да, у них же не принято...

По темноте возвращаюсь домой, тихонько прошмыгиваю в свою комнатенку, переступаю через храпящие тела, батя опять нажрался...

Вытаскиваю из-под подушки то, что дал мне инспектор, читаю при свете фонарика... книги, рукописи... только бы не знал никто, что я тут читаю... а чего не знал, все равно черта с два кто-то что-то в организации этой кумекает...

Она сама в себе ничего не кумекает...

ФИО

Тим... а-а, теперь я этот... Игорь... нет, вру, Кондаков Антон Игоревич.

Год рождения

Семьдесят первый. А нет, тут надо полностью писать, две тыщи семьдесят первый.

Откуда узнали о нашей организации.

Откуда... от верблюда... откуда все узнали. Весь мир знает, я не знаю... а я чем хуже... По принципу в России все

секрет, и ничего не тайна.

Как на них вышел... случайно. Это не из тех организаций, которые можно набрать в интернете, и нате вам, получите-распишитесь, адрес, телефон, е-мейл, оставьте свой отзыв. Сюда приходят случайно. Так случайно, что сами толком не могут сказать, как пришли...

Что там дальше... ваши планы на будущее...

Организация...

А ведь до сих пор толком не знаю, что это за хрень такая, до сих пор кормят меня обрывками каких-то спорных фактов, вымыслов, легенд...

Организация...

Про которую ничего не известно, даже не известно толком, есть она или нет.

Иду по темноте ночи, у нас район хороший, у нас хоть окна светятся, вон, свечи на подоконниках, там, дальше, говорят, вообще в землянках живут, шерстью обросли...

Организация...

Интересно, что бывает с теми, кто туда вступал, вступал и не вступил... надо спросить у инспектора... а что спросить, можно подумать, сам не знаю, что ответит...

То и ответит.

То и будет.

Лучше не думать...

– Пус-ти, ур-родище, на хрен пошел, я ком-му сказала!

Даже не вздрагиваю, дело привычное, опять там девку какую-то зажали в темном переулочке...

Организация...

Оттуда не выходят, оттуда не возвращаются... Вспоминаю хитроватое лицо инспектора, ну, мил человек, из властелинов мира так просто не уходят...

– На по-о-омощь!

Девка... хочу свернуть куда-нибудь неважно куда. Не сворачиваю. Их трое, отсюда вижу, трое, вот этот, высокий, похоже, главный, эти, которые ее держат...

Бью высокого. Тут, главное, ударить со всей силы, потом...

Высокий сгибается пополам, отваливается полусгнившая голова, падает, мелкая шпана поджимает хвосты, огрызается, расплзается куда-то в никуда, кто-то в спешке теряет гнилую ногу...

Хватаю девчонку за истлевшую руку.

– Пойдем...

– У-урроды...

– Есть маленько... Проводить?

– Ага... спасибо... я тут... рядом...

Улыбается полусгнившим черепом.

– Можете меня поздравить, невесту нашел.

Жду, что инспектор меня похвалит, расплывется в улыбке, а-а, молодчина, далеко пойдешь...

– Ты ей ничего не сказал? Про нас?

Вздрагиваю.

– Н-ничего...

– Точно?

Смотрит на меня так, что я уже сам начинаю сомневаться, говорил я или не говорил...

– Нет. Нет.

– Оч хорошо... а невесту мы твою еще уточним...

– Переложу три спички, чтобы рыбка поплыла в другую сторону.

Это просто. Перекладываю.

– Переложу две спички, чтобы корова смотрела в другую сторону.

Бьюсь вокруг до около спичечной коровы, чувствую себя беспомощным, мать моя женщина, не понимаю...

– Сдаюсь.

– Эх ты... вот же...

– Это нечестно. Вы просто морду коровы повернули.

– А кто сказал, что нельзя морду коровы поворачивать...

Спрашиваю то, что давно уже хотел спросить.

– А... это...

– Чего такое?

– А... если что... из организации вашей выйти можно?

Инспектор щурится.

– А ты как думаешь?

– Н-нет.

– А знаешь, так чего спрашиваешь тогда... горюшко мое...

Как всегда выхожу из заброшенного дома первым. Нельзя, чтобы нас видели вместе. Инспектор говорит, за ним охотятся. За мной тоже будут охотиться. Потом.

Прохожие идут мне навстречу, они смотрят на меня и сквозь меня, они не знают, кто я. И не узнают. У меня на лбу не написано, что я часть организации, могучей организации, всемирной организации. Говорят, что они существуют уже десять тысяч лет... как-то не верится. Только инспектору не надо говорить, что мне не верится, он мне потом так не поверит, мало не покажется...

– Дети есть?

– Издеваетесь... только невесту нашел, вам уже детей подавай...

– Ну что вы так сразу... – инспектор хмурится, – а так вообще... планируете?

Что-то прорывает внутри.

– А если я скажу нет?

– Дело ваше...

– Не возьмете?

– Почему не возьмем... только лучше, чтобы были... организация себя воспроизводить должна...

– Настя вроде бы хочет...

– Очень хорошо... Настю мы вашу уточнили...

Холодеет спина, вам-то что до моей Насти...

Сидим в доме с заколоченными ставнями. Здесь нас не видят. Мне так кажется. И следят. Так мне тоже кажется. У организации руки длинные, везде достанут...

– А... а сколько лет организация существует?

– Десять тысяч.

– Я серьезно.

– И я серьезно... ну, может, и раньше была, только данных нет.

Вижу, что он не шутит, такие не шутят. В ужасе припоминаю что-то, масоны, тамплиеры, розенкрейцеры... но десять тысяч лет... это новенькое что-то...

– А... а можно еще вопрос?

– Нужно.

– А... это правда, что если вам голову отрубить, новая вырастет?

– Кто тебе такую чушь сказал?

– Ну... говорят...

– Говорят, что кур доят...

– Нет, а ходят же слухи... про ренеге... нереге...

– Регенерацию тканей... есть такое... ну ты смотри, это так, если палец порежешь или там кусок печени отхватят... а если голову отрубят, конечно новая не вырастет...

Пробираюсь домой по темноте, опять засиделись допоздна... надо бы завязывать с нашими встречами, хотя бы на время, а то косо уже посматривают, куда я хаживаю, Настя и то спрашивает... в переулке дерутся четверо, а нет, не дерутся, трое бьют одного, битый разваливается на куски, беспомощно ползает по земле полусгнившая нога...

Проскальзываю в свою комнатенку, кто-то хватает меня за пуговицу, просит на бутылку, чесслово верну-верну-верну, все верну-верну-верну, я-т-т-ебя-к-когда-нибудь-обма-а-а-нывал?

Пошли все на фиг...

Вытаскиваю из-под подушки то, что дал мне инспектор, как всегда ёкает сердце, а вдруг там нет ничего, украли, сожгли, уничтожили...

Есть.

Знания, древние, как сама земля...

...постепенно газовые облака затвердевали, собирались в сгустки, так образовались планеты. По поводу кольца астероидов есть несколько версий, согласно одной из них там должна была образоваться планета, Фэтон, но гигант Юпитер оттянул на себя часть материи, и...

Скрипит дверь.

– Настюш...

– Привет... это чего у тебя?

Настя оторопело смотрит на тайные знания в моих руках, так и слышу насмешливый говорок инспектора, нда-а, так-

то вы конспируетесь...

– Гляди, приколы... шарики разноцветные...

– Класс...

Настя отряхивает с лица полусгнившую плоть, садится ко мне.

Что-то шевелится в груди, еще, еще. Паразит какой-нибудь завелся, не иначе, бывает такое, жук какой-нибудь или червяк, который мертвечинку любит...

Надо бы Настю попросить покопаться, пусть вытащит...

Успеется...

Пошло оно всё.

Что всё...

Да всё всё.

Проклинаю инспектора. Проклинаю себя, что связался с инспектором. Организацию почему-то не проклинаю, почему-то боюсь, чует мое сердце, они и мысли почтывают...

Пошли они все.

Всё равно – пошли они все.

Хватит уже меня завтраками кормить. То есть, завтраками не хватит, а обещаниями... Завтра, завтра, потом, потом, как-нибудь, дру-уг мой, тут некоторые годами очереди ждут, в организацию, а вы...

А я ждать не хочу.

Инспектор, наверное, уже понял, что я не приду.

И в организации уже все поняли.

Колотится и колотится в груди паразит, что он там прогрызает... Надо бы вытащить, а то вот так погрызет-погрызет, потом а-а-а, половины внутренностей нету, и развалишься пополам...

Интересно, что будет с этими... которые уходят из Организации...

Что будет, ясно-понятно что будет, не живут такие долго, не живут...

Понемногу осваиваюсь в незнакомом городе, чувствую, долго я здесь не останусь. Они найдут. Кого угодно найдут. И тогда...

Какой-то пьянчужка с размаху налетает на меня, разваливается на куски. Ясен пень, насквозь гнилой, пьянчужки другие не бывают. Хотя нет худа без добра, у них паразиты не заводятся, спиртяку не терпят...

– Да я одной левой.

– Ага, ври больше.

– Да я через колено.

– Ага, сочиняй...

Пьяная компания гогочет за углом, чуть-чуть сворачиваю, ускоряю шаг. Полусгнивший парень хочет перешибить что-то через колено, кирпич... не похоже... узнаю предмет в его руках, это же...

Бегу, кричу, паразит в груди совсем разошелся, бьется о ребра...

– Отдай!

– Ты чего, ох...

– Дай сюда!

Свалка. Летят в разные стороны руки, ноги, головы, хватаю из гнилых рук то, что не кирпич...

– Парни, он того! Он...

Узнали, сволочи. Сказали страшное слово. Слово, которое боялся сказать даже инспектор...

На меня набрасываются все. Все. Без исключения. Хулиганье. Прохожие. Полиция. Толпами. Полчищами. Стаями. Еще отбиваюсь, сам не понимаю, от кого...

Огонь.

Много огня, мерзкий дух гнилого паленого мяса, напалмом, что ли, очень похоже, это в духе Организации... кто-то хватает меня, кто-то тащит в машину, откуда жгут толпу напалмом, пусти-пусти-пусти...

Тормозят где-то за городом.

Смотрят на меня.

Семеро.

Теперь вижу – вот они. Организация. И чувствую – имя им легион.

– Вот... вот...

Показываю то, что отобрал у парня, что он не переломил-таки о колено...

– Мастер и Маргарита? Уважаю, – говорит один из них, – далеко пойдешь, парень...

– Только в организацию что-то брать не торопитесь...

Посмеиваются.

– А ну-ка дай, проверим...

Протягивает руку к моей груди. Отшатываюсь, тут же спохватываюсь, ну да, там же...

– Там это, червяк какой-то завелся, колотится, парни, не в службу а в дружбу вытащите?

– Червяк, говоришь? Счас глянем, что за червяк... ну-ну...

– Стучит? – спрашивают остальные, смотрят на меня, как на невиданную диковину.

– Ага...

– Похоже, брать его уже можно.

– Нужно.

– Ну, давай...

– На колени становиться?

– Чего ради нам на колени друг перед другом вставать... – кладет мне руку на грудь, – сим объявляю тебя человеком...

Тринадцатый

Помечаю в блокноте:

Это двенадцатая.

Смиляна

А до этого было одиннадцать.

Ивенджелин

Антонелла

Сархан

Богомил

Куйаллек

Кольдинг

Адорасьон

Меонг

Сальсабиль

Флорентин

Униткак

Это женщина, Униткак. Ну как женщина, девушка, девочка, семнадцать лет ей было. Да, было. Потому что её уже нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.